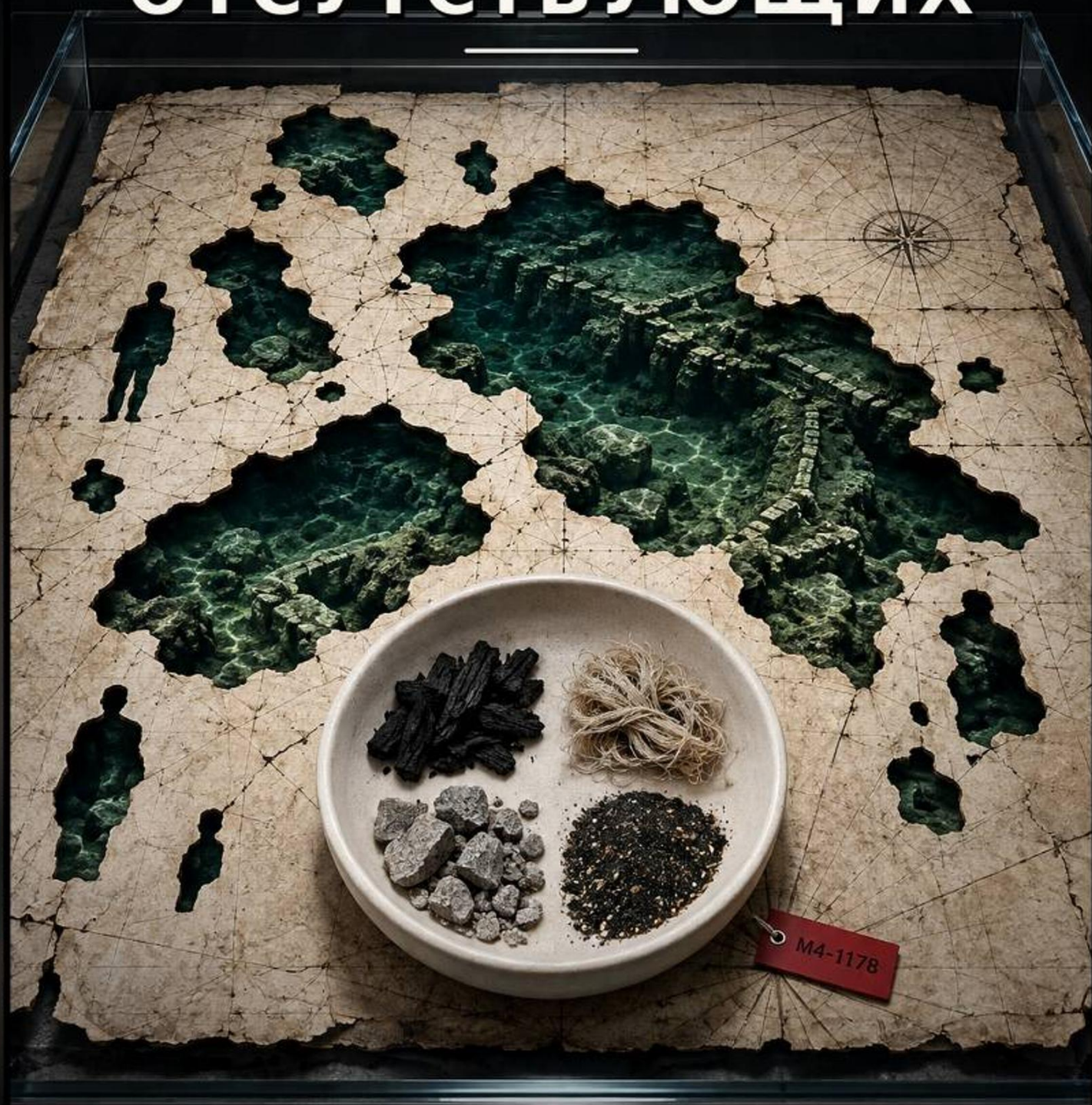

ЦИКЛ РОМАНОВ
«ИСТОРИЯ, КОТОРОЙ НЕ ОСТАЛОСЬ»

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА «ПОСЛЕДНИЙ ЦИКЛ»

АРХИПЕЛАГ ОТСУТСТВУЮЩИХ

СЕРГЕЙ КРАВЦОВ

Сергей Кравцов

Архипелаг отсутствующих

«Автор»

2026

Кравцов С. Н.

Архипелаг отсутствующих / С. Н. Кравцов — «Автор», 2026

После Борнхольма Александр и Мира пытаются жить так, будто прошлое больше не требует от них ответа. Но старый морской архив выводит их к карте без автора, на которой рядом с закрытым кодом R-17 появляются новые точки. В центре исследования оказывается М4-1178 — разрозненный комплекс материалов, связанных с затопленными берегами Северного моря. Система «Палимпсест» умеет собирать несовместимые археологические, музейные и геофизические данные в единую реконструкцию. Но чем точнее становится модель, тем сильнее одна версия прошлого вытесняет остальные. Предметы остаются на месте, но теряют владельцев. Карты сохраняются, но перестают доказывать путь. Человеческий след можно восстановить — и одновременно лишить человека права на неполноту. Чтобы остановить опасную реконструкцию, героям придётся решить, что важнее: законченная история, которая работает, или несколько неполных версий, в которых ещё остаётся место отсутствующим.

© Кравцов С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Карта без автора	5
Глава 2	19
Разделённый архив	19
Глава 3	30
Палимпсест	30
Глава 4	44
Чужой контекст	44
Глава 5	65
Слепая сборка	65
Глава 6	88
Вес отсутствующего слоя	88
Глава 7	102
Русло под морем	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Сергей Кравцов

Архипелаг отсутствующих

Глава 1

Карта без автора

Чай остыл.

Просто остыл.

Александр понял это только после первого глотка. Вернулся на кухню за телефоном, машинально взял кружку и поморщился.

Никакой надписи на керамике.

Никакого запаха моря.

Никакой линии, которой секунду назад не было.

На столе лежали ключи, раскрытая пачка печенья и магазинный чек, который Мира второй день собиралась выбросить.

Обычное утро.

Девять месяцев назад Александр потратил бы ещё несколько минут, проверяя, действительно ли оно обычное.

Теперь поставил кружку обратно.

— Холодный? — спросила Мира.

Она стояла у окна и застёгивала куртку.

— Уже да.

— Я предупреждала.

— Ты сказала: «Пей, пока горячий».

— Именно.

За открытой форточкой серел мокрый двор. Ночью прошёл дождь. С козырька над подъездом падали крупные капли: иногда две почти одновременно, потом долго ни одной.

Александр услышал.

Не стал считать.

Мира заметила.

Она многое замечала и всё реже говорила об этом.

— Выбрось, — сказала она.

— Жалко.

— Чай?

— Усилия.

— Моих?

— В основном воды.

Мира фыркнула.

На мгновение её лицо стало таким, каким Александр помнил его до Борнхольма: без постоянной осторожности перед следующим движением.

Потом взгляд скользнул к кружке.

— У нас сложная история с холодным чаем, — сказал он.

— У тебя.

Александр кивнул.

— Справедливо.

Мира натянула перчатку на правую руку.

Следов не осталось.

Ни белёсой полосы на среднем пальце. Ни вмятин от предметов, которых не существовало. Ни ощущения чужой ладони, которое иногда будило её среди ночи.

Иногда она всё ещё лежала несколько секунд неподвижно, прежде чем пошевелить рукой.

Александр перестал спрашивать первым.

Если ощущение не проходило, Мира рассказывала сама.

Позже.

После душа, кофе или завтрака — после чего-нибудь настолько обычного, чтобы воспоминание переставало быть главным событием утра.

Она взяла сумку.

— Сегодня вернёшься? — спросил Александр.

— Не знаю.

Раньше он уточнил бы когда.

Потом — почему.

Предложил бы подвезти. Встретить. Позвонить.

Сегодня только кивнул.

Мира задержалась у двери.

— И всё?

— А что ещё?

— Ничего.

Она произнесла это почти подозрительно.

Александр улыбнулся.

— Я обучаемый.

— Медленно.

— Главное — положительная динамика.

Они не жили вместе.

Мира могла остаться у него на несколько ночей, потом исчезнуть в собственной квартире на неделю. Часть её вещей находилась здесь. Часть вещей отсюда однажды исчезла без объяснений.

Первые месяцы Александр воспринимал это как переходный этап.

Потом перестал ждать следующего.

Расстояние не всегда означало разрыв.

Иногда оно было способом не превращать близость в контроль.

Телефон завибрировал на столе. Один раз. Мира посмотрела раньше него. На экране:

Томас Берг.

Улыбка исчезла.

Александр не касался телефона.

Экран погас.

Потом пришло второе сообщение.

Следом третье.

— Давно? — спросила Мира.

— Месяцев семь.

— Примерно?

Он посмотрел на неё.

— Примерно.

— Хорошо.

После Борнхольма Томас писал ему дважды.

Первый раз прислал длинный перечень материалов, которые нельзя хранить вместе.

Во второй написал одну фразу:

Если мы снова окажемся в одной комнате из-за общего документа, значит, кто-то уже сделал ошибку.

Александр ответил:

Или принял решение.

После этого Томас исчез.

До сегодняшнего утра.

Мира сняла одну перчатку.

— Открывай.

— Ты опоздаешь.

— Уже нет.

Александр взял телефон.

Первое сообщение:

Роттердам. Южный берег Мааса. Складской корпус 19.

Второе:

Не приезжай вместе с Мирой.

Мира прочитала через его плечо.

— Узнаю Томаса.

Третьим была фотография.

На старом деревянном столе лежала морская карта.

Бумага пожелтела по краям. Сгибы потемнели, несколько мест протёрлись почти до тканевой основы. Печатные линии побледнели до серого.

Поверх них кто-то рисовал карандашом.

Точки.

Дуги.

Короткие обозначения.

Александр увеличил изображение.

Мира подошла ближе.

Плечо коснулось его плеча.

Они оба заметили.

Никто не отстранился.

— Справа, — сказал Александр.

На карте была видна Балтика.

Контур Борнхольма узнавался без труда.

Рядом с островом стояла небольшая карандашная пометка:

R-17

Мира замерла.

— Код появился девять месяцев назад.

— Наш код.

— Какая разница?

— Большая.

Она взяла телефон.

Увеличила край карты.

Внизу сохранился выцветший служебный штамп. Год почти исчез, но первые две цифры ещё читались:

19...

— Карта старая, — сказала Мира.

— Похоже.

— А надпись?

— Может быть новой.

— Может.

— Фотографию могли подготовить специально для нас.

— Могли.

Она вернула телефон.

— И всё равно ты поедешь.

— Да.

— Я тоже.

Александр посмотрел на второе сообщение Томаса.

— Он специально просил...

— Я умею читать.

— Тогда поедем отдельно.

Мира на секунду замолчала.

— Хорошо.

Не возразила.

Не спросила, зачем.

Александр почувствовал знакомое желание добавить условие.

Напиши, когда приедешь.

Не входи одна.

Дождись меня.

Он не стал.

— Ты первая?

— Да.

— Тогда увидимся там.

Мира открыла дверь.

— Саша.

— Что?

— Чай всё-таки не выбрасывай.

— Почему?

— Теперь допей.

Дверь закрылась. Александр остался один. Снова посмотрел на фотографию.

R-17 находился почти у края карандашной сети.

Самое плотное скопление отметок лежало гораздо западнее.

В Северном море.

Там, где сейчас была только вода.

В поезде Александр не открывал фотографию.

Ему не требовалось снова видеть её, чтобы помнить расположение отметок.

За окном тянулись мокрые поля. Вода стояла в канавах. Каналы шли рядом с дорогами.

Ветрогенераторы вращались каждый со своей скоростью.

Чем ближе становился Роттердам, тем очевиднее было: эта страна существовала благодаря постоянному соглашению человека с водой.

Дамба здесь.

Канал здесь.

Насос сюда.

Река не дальше этой линии.

Александр вспомнил центр карандашной сети.

Северное море.

Сейчас — вода.

Когда-то — земля.
Не легендарный материк.
Не город, исчезнувший за одну ночь.
Обычная территория.
Реки.
Болота.
Леса.
Люди.

Тысячелетиями море забирало её по частям, пока Британия не стала островом, а прежние берега не скрылись под водой.

Позже этому исчезнувшему миру дали одно имя:

Доггерленд.

Его нельзя было раскопать привычным способом.
Он лежал под морем.
Поэтому исчезнувшую землю восстанавливали из обрывков.
Рельефа дна.
Слоёв грунта.
Костей и орудий, поднятых рыбацкими сетями.
Снимков того, что скрыто под донными отложениями.

Как если бы от города сохранились три подвала, кусок дороги и несколько предметов — и по ним требовалось понять, где жили люди.

Когда-то Александр считал такую задачу красивой.

Теперь ему не нравилось слово **восстановить**.

Телефон завибрировал.

Мира: Я приехала.

Через минуту:

Томас меня не пускает.

Александр написал:

Значит, это точно он.

Ответ:

Он запер дверь.

Складской корпус девятнадцать стоял в стороне от действующих терминалов.

Старое кирпичное здание. Высокие окна из стеклоблоков. Ржавые направляющие грузового подъёмника.

У боковой двери стояла Мира.

Волосы прилипли к виску.

— Долго ждёшь?

— Проверила остальные входы.

— Это не время.

— Зато полезнее.

— И?

— Один заварен. Второй выходит на закрытую площадку. Третий Томас тоже контролирует.

Александр посмотрел на дверь.

Рядом висела старая табличка:

4В

— Начну я?

— Давай.

Он постучал.

Ключ повернулся.

Томас открыл ровно настолько, чтобы увидеть одного человека.

За семь месяцев он похудел. Скулы стали резче, под глазами появились тени.

Большой палец правой руки двигался вдоль бокового шва брюк.

Вверх. Вниз. Увидев Александра, остановился.

— Один.

— Доброе утро.

Томас отступил. Александр вошёл. Дверь закрылась. Ключ повернулся два раза.

— Это обязательно?

— Нет.

— Уже прогресс.

Томас посмотрел на него.

— Не привыкай.

Помещение когда-то служило складской конторой.

Теперь вдоль стен стояли металлические стеллажи.

Коробки.

Тубусы.

Папки.

Пластиковые контейнеры.

Ни на двух соседних предметах не повторялась одна и та же система маркировки.

В центре стояли три стола.

На одном — карта.

На втором — закрытый ноутбук.

На третьем — шесть папок, разложенных так, чтобы края не касались друг друга.

— Очень по-твоему, — сказал Александр.

— Я не проектировал помещение.

— Я не о помещении.

Он подошёл к карте.

Остановился в шаге.

— Откуда?

— Из ящика материалов на уничтожение.

— Чей архив?

— Уже трудно сказать. Портовые документы, старые страховые дела, частные коллекции.

Всё переходило из рук в руки.

— То есть происхождение ненадёжное.

— Да.

— Надпись могли нанести вчера.

— Да.

— Тогда почему мы здесь?

Томас посмотрел на R-17.

— Потому что это лучший вариант.

Александр надел лежавшие рядом тканевые перчатки.

Подошёл ближе.

Бумага была толстой, с тканевой основой. В сгибах волокна расходились.

Карандашные линии отличались нажимом.

Некоторые почти исчезли.

Другие продавили бумагу.

— Карту датировали?

— Только предварительно. Первая половина двадцатого века возможна.

— Надпись?

— Графит. Сам по себе возраста не даст.

— Почерк?

— Не один человек.

Снаружи постучали. Три удара. Пауза. Один. Томас напрягся.

— Ты сам заставил её ждать, — сказал Александр.

За дверью раздался голос:

— Я всё слышу.

Александр улыбнулся.

Томас — нет.

— Что ты ещё нашёл? — спросил Александр.

— Почему решил, что нашёл?

— Иначе ты прислал бы фотографию и попросил мнение. А не запер нас по разные стороны двери.

Томас посмотрел на закрытый ноутбук.

— Есть проект реконструкции затопленных территорий Северного моря.

— Доггерленд.

— В основном.

— Название?

— «Палимпсест».

— И?

— Последние недели система начала запрашивать материалы, которые не должны были иметь отношения к этому проекту.

Томас достал три листа.

Положил их на стол отдельно.

На одном говорилось о нарушениях пространственного восприятия.

На другом — о несовпадающих координатах подводного оборудования.

На третьем — о гидрографических аномалиях Балтики.

Александр прочитал.

— Всё это может иметь обычное научное применение.

— Может.

Томас перевернул листы.

Внизу каждого стояли одинаковые поля:

координата

носитель

незавершённое действие

независимое подтверждение

Александр перестал читать.

— После Борнхольма.

— Да.

— Эта схема появилась после Борнхольма.

— Да.

— Кто её знал?

— Очень мало людей.

— Кто-нибудь из «Палимпсеста»?

— Не нашёл.

Снаружи снова постучали. Один раз. Александр посмотрел на дверь.

— Открывай.

— Нет.

— Почему?

— Хочу сначала зафиксировать состояние карты без неё.

— Без Мира?

— Без её сенсомоторной реакции.

— Она уже видела фотографию.

— Не материал.

Александр снял перчатки.

— Тогда ты используешь её отсутствие как часть эксперимента.

Томас молчал.

— Скажи нормально.

— Да.

За дверью Мира произнесла:

— Спасибо.

Томас закрыл глаза.

— Дверь старая.

— Именно.

Александр подошёл ближе.

— После Борнхольма мы слишком часто решали за человека, что его нужно удалить из системы ради безопасности.

— И иногда это спасало ему жизнь.

— Иногда.

— Ты предлагаешь рискнуть?

— Я предлагаю спросить её.

Томас посмотрел на карту.

Потом вынул ключ.

— Отойди.

Александр отошёл.

Дверь открылась.

Мира вошла, сняла мокрую куртку и повесила на трубу.

— Уютно.

— Ничего не трогай, — сказал Томас.

— Вот теперь совсем уютно.

Она увидела карту.

Замерла.

Правая рука поднялась не сразу.

Средний палец слегка согнулся.

Ладонь приблизилась к груди, словно в ней находился короткий карандаш.

Александр почувствовал знакомое напряжение в животе.

— Что?

Мира посмотрела на руку.

— Давление.

— Где?

Она коснулась среднего пальца.

— Здесь.

Томас достал прозрачный пакет.

Внутри лежал короткий деревянный карандаш.

Старая краска почти стёрлась.

Заточен ножом.

Мира не подошла.
— Толстый.
Томас поднял глаза.
— Что?
— Карандаш.
— Ты видишь.
— Не настолько.
Она показала пальцами.
— Корпус ощущается толще обычного.
Александр сказал:
— Ты могла предположить по линиям.
Мира резко посмотрела на него.
— Конечно.
Он выдержал взгляд.
— Это всё равно нужно учитывать.
Раздражение осталось на её лице.
Хорошо.
Обычное человеческое раздражение.
Не страх.
Мира посмотрела на карандаш.
— Я его не узнаю.
— У отца был такой? — спросил Томас.
Она долго молчала.
— Не знаю.
Томас хотел спросить ещё.
Мира опередила:
— И не знаю, моё ли ощущение.
Он закрыл рот.
На Борнхольме такой ответ давался ей гораздо труднее.
Теперь она произнесла его сразу.
Мира подошла к карте.
Не касалась.
Сначала посмотрела на R-17.
Потом перевела взгляд в центр карандашной сети.
— Почему вы оба смотрите только сюда?
Она показала на Борнхольм.
— Потому что знаем, что это, — сказал Томас.
— Вот именно.
Мира медленно пошла вдоль стола.
— Если убрать R-17, что здесь главное?
Александр посмотрел на карту заново.
Самое плотное скопление точек находилось не в Балтике.
Оно лежало в Северном море.
— Мы начали с того, чего боялись, — сказал он.
Мира кивнула.
У одной из точек её рука снова изменила положение.
Ладонь повернулась вниз.
Пальцы разошлись.
Будто она прижимала что-то к поверхности.

— Опять? — спросил Александр.
Мира закрыла глаза.
— Под ладонью шероховатое.
— Дерево?
— Нет.
Пауза.
— Песок.
Томас сделал шаг назад.
— Убираем карту.
— Нет, — сказала Мира.
Она открыла глаза.
Смотрела не на точку.
На край листа.
Одна из карандашных линий доходила до рамки карты.
Пересекала её.
И продолжалась дальше.
По деревянному столу.
Александр сначала решил, что это старая царапина.
Потом наклонился.
В борозде сохранился серый графит.
Та же толщина.
То же направление.
Линия шла ещё несколько сантиметров и исчезала под закрытой папкой.
Никто не говорил.
— Карта лежала здесь, когда её нашли? — спросил Александр.
— Нет, — ответил Томас.
— Этот стол?
— Привезли вчера.
— Кто положил карту?
— Я.
— Линия на дереве была?
Томас посмотрел на неё.
— Не заметил.
Мира присела.
Не касалась.
— Борозда старая.
— Уверена? — спросил Александр.
Она тут же поправилась:
— Выглядит старой. Внутри грязь. Края лака потемнели.
Александр кивнул.
— Так точнее.
— Я знаю.
Он рассмотрел переход.
Край карты был толще борозды.
Если бы человек провёл карандашом одним движением с бумаги на дерево, грифель неизбежно подпрыгнул бы.
Здесь линия оставалась непрерывной.
— Что под папкой? — спросила Мира.
— Геофизические профили, — сказал Томас.

Она посмотрела на него.

— Человеческим языком.

— Снимки слоёв под морским дном.

— Откуда?

— Северное море.

— Точнее?

— Южнее Доггер-банки.

Мира выпрямилась.

— Открываем?

Александр ответил раньше Томаса:

— Нет.

Она повернулась.

— Почему?

— Потому что теперь мы уже ожидаем увидеть связь.

— А если её там нет?

— Тогда мы построим историю о том, почему её нет.

Мира посмотрела на папку.

Потом на линию.

— Хорошо.

Томас нахмурился.

— Хорошо?

— Не открываем.

— Ты только что хотела.

— Передумала.

— Из-за него?

— Из-за аргумента.

Томас несколько секунд смотрел на неё.

— И тебя не беспокоит, что решение изменилось так быстро?

— Меня больше беспокоило бы, если бы не могло измениться.

Они договорились не двигать карту.

Не сканировать стол.

Не открывать папку.

Не пытаться продолжить линию.

Пока.

Александр и Томас должны были ехать в «Палимпсест» без самой карты и без деталей, которые могли подсказать нужный результат.

Мира решила остаться.

— Зачем? — спросил Александр.

— Кто-то должен быть здесь.

— Охрана.

— Охрана не знает, что нельзя перекладывать папки.

Томас сказал:

— Я запрещу вход.

— До первой уборщицы, инженера или пожарной тревоги.

Он помолчал.

— Справедливо.

Александр посмотрел на Миру.

— Хочешь остаться?

Она встретила его взгляд.

— Да.

— Хорошо.

Вот и всё.

Без *будь осторожна*.

Без *ничего не делай*.

Без *дождись меня*.

Мира слегка кивнула. Мелочь. Но он понял.

На улице оставили охранника. Ему объяснили только одно: никого не впускать без звонка.

Перед выходом Александр остановился возле двери.

Мира сидела на складном стуле в нескольких метрах от карты.

Телефон лежал в кармане.

Руки свободны.

— Напишу, когда будет что сказать.

— Хорошо.

— Не раньше.

— Ещё лучше.

Он вышел.

Дождь снова усилился.

Они с Томасом сели в машину.

Несколько минут ехали молча.

В боковом зеркале склад становился меньше.

Александр видел Миру под навесом.

Она говорила по телефону и придерживала волосы рукой.

Он отвернулся.

Томас заметил.

— Ты изменился.

— Постарел.

— Не это.

— Похудел?

— Нет.

— Тогда не вижу причин для комплимента.

Томас повернул к каналу.

— Раньше ты бы остался возле линии.

Александр смотрел на воду.

— Хотел.

— Но уехал.

— Можно хотеть понять и всё равно уйти.

— Раньше ты так не умел.

— Раньше я многое принимал за ответственность.

Томас ничего не ответил.

Машина выехала к Маасу.

Баржи шли вдоль терминалов.

За ними поднимались контейнерные краны.

Город состоял из дорог, каналов, дамб, шлюзов и тысяч решений о том, где именно сегодня должна находиться вода.

— Я не показал вам обратную сторону карты, — сказал Томас.

Александр повернулся.

— Почему?

— Хотел сначала увидеть вашу реакцию на лицевую.

— Получил?

— К сожалению.

— Что с обратной?

— Список обозначений.

— Для точек?

— Почти.

Томас протянул телефон. На фотографии виднелись короткие строки. Коды. Числа. Несколько плохо различимых слов.

— Большинство удалось сопоставить с участками, которые изучает «Палимпсест», — сказал Томас.

Александр продолжал смотреть.

— Большинство?

— Все, кроме одного.

Он поднял глаза.

— R-17?

— Нет.

Это было хуже.

Александр вернул телефон.

— Что за точка?

— Северное море.

— Данных мало?

— Нет.

— Тогда почему не сопоставляется?

— Вокруг неё достаточно материалов для реконструкции. Старые русла. Слои грунта. Находки. Модель строит ландшафт со всех сторон.

— А сама точка?

Томас остановился перед светофором.

— Не строит.

— Пробел?

— Не совсем.

Загорелся красный. Машина встала. Томас снова открыл фотографию. Увеличил последнюю строку на обороте карты.

Тёмный графит продавил бумагу сильнее остальных пометок.

Там не было ни координаты, ни кода.

Одно слово:

ОТСУТСТВУЕТ

Александр долго смотрел на него.

— Это относится к той точке?

— Похоже.

— А «Палимпсест»?

Томас убрал телефон.

— Сегодня утром система отдельно пометила тот же участок.

— Как?

Светофор переключился.

Томас включил передачу.

— Объект отсутствует.

Машина тронулась.
Александр посмотрел на серую воду Мааса.
Под Северным морем пытались собрать исчезнувшую землю.
Реки.
Берега.
Следы людей.
Почти всему находилось место.
И только один участок оставался пустым.
Не потому, что о нём ничего не знали.
Старая карта утверждала другое.
Там должно было чего-то не быть.

Глава 2

Разделённый архив

Когда машина уехала, склад стал тише.

Не пустее.

Именно тише.

Сначала шины прошли по мокрому асфальту вдоль стены. Потом двигатель смешался с гулом грузовика у соседнего корпуса. Через несколько секунд остались дождь, вентиляция под потолком и редкие металлические удары где-то в глубине здания.

Мира не подошла к окну.

Александр уехал с Томасом.

Так было правильно.

По крайней мере, именно это они решили.

Не ехать вместе.

Не смотреть на одни данные одновременно.

Не превращать двух людей в один способ наблюдения только потому, что им так проще.

Ещё несколько месяцев назад Александр остался бы.

Не из недоверия.

Из заботы, которая слишком легко принимала форму контроля.

Он бы нашёл разумную причину. Предложил проверить помещение. Посмотреть материалы. Убедиться, что Мира не одна в ситуации, которую никто до конца не понимает.

Сегодня он спросил:

— Справишься?

Она ответила:

— Да.

Он кивнул и уехал.

Это было лучше.

Почему-то именно поэтому сейчас хотелось услышать его шаги за дверью.

Мира сняла куртку.

Повесить было некуда, и она положила её на пустой ящик у стены.

Карта занимала почти весь центральный стол.

Старая морская печать.

Выцветшие линии глубин.

Складки, по которым бумагу десятки раз складывали и разворачивали.

Следы карандаша поверх типографской сетки.

И обозначение:

R-17.

Код, придуманный девять месяцев назад.

На бумаге, которая явно была старше их обоих.

Мира не стала смотреть на эту отметку.

Сейчас её интересовал край карты.

Карандашная линия возле нижнего поля не заканчивалась вместе с бумагой.

На дереве продолжалась тонкая царапина.

Не графит.

Повреждение лака.

Мира наклонилась.

Стол был старым и изношенным.
Здесь резали картон.
Двигали металлические ящики.
Ставили кружки.
Закрепляли линейки.
На поверхности хватало следов, чтобы любую царапину принять за часть рисунка.
Но эта начиналась точно там, где заканчивалась карандашная линия.
Не рядом.
Не почти.
Край бумаги делил один маршрут на две поверхности.
Мира выпрямилась.
Первой мыслью было сфотографировать.
Второй — позвать Александра.
Она не сделала ни того ни другого.
После Борнхольма они слишком хорошо знали цену первой понятной версии.
Мира обошла стол.
Посмотрела с другого угла.
Теперь совпадение выглядело слабее.
Рядом обнаружилась ещё одна царапина.
Чуть дальше — третья.
Старое дерево снова становилось просто старым деревом.
Это помогло.
Ненадолго.
Мира подняла правую ладонь над картой.
Не касаясь.
Под основанием большого пальца появилось ощущение песка.
Она резко убрала руку.
Ничего.
Поднесла снова.
Шероховатость вернулась.
Не снаружи.
Глубже.
Будто кисть лежала не над бумагой, а удерживала тонкий лист на влажной поверхности.
Мира посмотрела на перчатку.
Сухая.
Чистая.
Она перевернула ладонь вверх.
Ощущение исчезло.
Вниз.
Вернулось.
Не боль.
Не давление.
Скорее знание положения.
Пальцы сами стремились разойтись немного шире.
Так держат лист, который может поднять ветер.
Мира отступила.
На втором шаге ощущение пропало.
Она не стала подходить снова.
Тело могло знать что-то раньше сознания.

Они это уже видели.

Но тело не получало права автоматически быть правым.

Мира достала телефон.

Нашла Елену Маркову.

Они встречались дважды на конференциях и один раз спорили почти час из-за деревянного фрагмента, который журналист назвал частью мезолитической лодки.

Елена тогда сказала:

— Если вещь нашли без контекста, первое, что мы обязаны сделать, — перестать придумывать ей биографию.

Мира запомнила.

Написала:

Есть старая морская карта. Происхождение пока не установлено. На ней ручные отметки затопленных участков Северного моря. Возможна поздняя подделка.

Ответа не было.

Мира добавила:

Положение карты не меняли.

Три точки появились почти сразу.

Где?

Мира отправила адрес.

Через несколько секунд:

Не складывайте. Не выравнивайте. Ничего не подкладываете под края. Я приеду.

Мира перечитала.

Никаких вопросов о Борнхольме.

Никаких разговоров об аномалии.

Старая бумага, которую нельзя трогать, потому что один неосторожный человек способен уничтожить больше информации, чем столетие сырости.

От этой обычности стало легче.

Она написала:

Не хочу загружать изображение в общую базу до осмотра.

Ответ пришёл сразу.

Почему?

Мира посмотрела на закрытый ноутбук Томаса. Рядом лежали папки. На одной:

ПРОФИЛИ / СЕВЕРНОЕ МОРЕ

На другой:

ПОДЪЁМНЫЕ НАХОДКИ / КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

Третья была новее:

ЗАПРОСЫ СИСТЕМЫ

Мира набрала:

Сначала хочу понять, что здесь действительно связано физически.

Елена ответила:

Правильно.

Мира убрала телефон.

И только теперь посмотрела на комнату целиком.

Томас разделил материалы.

Карта — на одном столе.

Ноутбук — на другом.

Архивные папки — у стены.

Стеллажи — по периметру.

Носители не соприкасались.

Источники были разведены.
Физически всё выглядело разумно.
И всё равно помещение уже рассказывало историю.
Вот неизвестный документ.
Вот машина, способная сравнивать.
Вот материалы, которые могли подтвердить сравнение.
Томас боялся единой версии настолько сильно, что построил вокруг неё комнату.
Мира почувствовала раздражение.
Не на него.
На точность этой мысли.
Телефон снова оказался в руке.
Она написала Александру:

Томас разделил материалы, но само помещение уже связывает их: карта — компьютер
— *подтверждения.*

Палец завис над отправкой.
Александр поймёт.
Именно поэтому отправлять не стоило.
До этой секунды схема существовала только у неё в голове.
После сообщения стала бы общей. Мира стёрла текст. Набрала:
Всё нормально. Жду Елену.
Отправила.
Ответ пришёл почти сразу:
Хорошо.
Одно слово.
Раньше Александр спросил бы, что значит «нормально».
Почему Елена.
Что Мира увидела.
Что почувствовала рукой.
Теперь — ничего.
Мира смотрела на экран.
Хотелось написать:
Ты научился доверять или просто боишься спросить?
Она не отправила.
Положила телефон экраном вниз.
За стеной кто-то засмеялся.
По коридору прокатилась тележка.
Хлопнула дверь.
Склад продолжал жить.
Это тоже было важно.
Не каждое место, где находилась опасная вещь, обязано превращаться в декорацию к ней.
Мира села на ящик.
Через несколько минут правая рука снова начала беспокоить.
На этот раз не песком.
На тыльную сторону ладони будто легла чужая рука.
Тепло.
Большой палец у запястья.
Четыре пальца поперёк костяшек.
Мира замерла.
Жест был знаком.

Сначала вернулся не человек.
Комната.
Настольная лампа.
Запах нагретой пыли.
Тонкая прозрачная бумага.
Отец стоял справа.
Ей лет двенадцать.
Может быть, тринадцать.
Она злится, потому что лист всё время съезжает.
Он поправляет её кисть.
— Не дави.
Мира закрыла глаза.
Голос был обычным.
Не пришедшим через воду.
Не звучащим внутри чужого горла.
Просто память.
— Если держишь слишком сильно, переносишь не линию, — говорил отец. — Переносишь ошибку бумаги.
Мира открыла глаза.
Склад.
Стол.
Карта.
Никого рядом.
Ощущение чужой ладони исчезло.
Она не знала, действительно ли это её воспоминание.
После Борнхольма у части памяти об отце появилась неприятная сноска.
Некоторые вещи она помнила сама.
Некоторые могла получить через Александра.
Некоторые больше невозможно было разделить.
Сегодня это не испугало.
Только разозлило.
Она хотела помнить собственного отца без проверки происхождения.
Мира подошла к карте.
Не ближе, чем раньше.
Теперь воспоминание заставляло искать тонкую прозрачную бумагу под листом.
Именно поэтому она отвернулась.
Нельзя было позволить памяти подсказывать предмет раньше, чем предмет будет найден.

Елена приехала через сорок минут.
Позвонила от двери.
— Здесь нет номера девятнадцать.
— Боковой вход. Табличка 4В.
— Вижу.
— Вы одна?
Пауза.
— Это новый способ здороваться?
— Сегодня да.
— Одна. Водитель знает адрес. Руководитель знает, что я еду смотреть старую морскую карту. Теперь можно войти?

Мира открыла. Елена стояла под узким козырьком. Промокшая.
С металлическим кейсом в одной руке и бумажным пакетом в другой.

— Вы Соколова.

— Мира.

— Елена.

— Знаю.

— Тогда знакомство состоялось.

Она вошла. Посмотрела сначала на пол. Потом на обувь. Сняла ботинки. Мира подняла бровь.

— Серьёзно?

— Я не знаю, что принесла на подошвах.

— Здесь склад.

— Именно.

— Есть бахилы.

— Где?

Мира указала на коробку возле двери.

Елена посмотрела.

— Нет.

— Почему?

— Я не знаю, где лежала коробка.

Мира улыбнулась.

Елена тоже.

Коротко.

Потом стала серьёзной.

— Карта?

Мира указала.

Елена не подошла прямо к ней.

Сначала осмотрела помещение.

Окна.

Вентиляцию.

Стол.

Закрытый ноутбук.

Папки у стены.

— Кто так разложил материалы?

— Томас.

— Намеренно?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы ничего не соприкасалось.

Елена посмотрела на расстояния между столами.

— Соприкосновение — не единственный способ потерять контекст.

— Я уже заметила.

Елена посмотрела на Миру внимательнее.

— Поэтому вызвали меня?

— Поэтому тоже.

Елена открыла кейс.

Внутри лежали фонарь, лупа, бумажные шкалы, мягкие клинья и старый блокнот.

Никакого планшета.

Мира спросила:

— Не фотографируете?

— Пока не знаю, что именно здесь заслуживает фотографии.

Она подошла к столу.

Присела.

Минуту молчала.

Потом выключила ближайшую лампу и включила боковой фонарь.

Карандашные линии стали рельефнее.

Появились вмятины от старого письма.

Некоторые штрихи были нанесены сильнее других.

Елена медленно провела свет к нижнему краю карты.

Остановилась.

— Это вы заметили?

Она показывала на место, где карандаш переходил в царапину.

— Да.

— Бумагу двигали?

— Нет.

— Стол трогали?

— Нет.

Елена придвинула фонарь.

По краям царапины лежала старая грязь.

В одном месте её пересекал более свежий порез.

— Повреждение старое, — сказала Елена.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы его несколько раз мыли вместе со столом.

— То есть оно существовало до нас.

— Да.

Мира почувствовала, как внутри отпускает что-то маленькое и упрямое.

Первая ясность за весь день.

Царапина не возникла, когда они посмотрели.

Не продолжилась.

Не изменилась.

Она была здесь раньше.

Елена подняла взгляд.

— Это важнее совпадения.

— Почему?

— Потому что старый след можно изучать. Новое чудо можно только обсуждать.

Мира кивнула.

Вот это ей было нужно.

Не ещё одна загадка.

Факт.

Елена снова осветила край.

Потом — нижнюю часть столешницы.

Царапина продолжалась по внутренней стороне доски.

Уходила вниз.

— Интересно.

— Куда?

— Пока никуда.

Елена опустила на корточки.

Луч скользнул по ножке стола.

Старая борозда шла почти до пола.
Там терялась в серой краске.
— Всё? — спросила Мира.
— Возможно.
Елена повернула фонарь.
Пыль на полу дала длинные тени.
И линия появилась снова.
Тонкая.
Старая.
Она выходила из-под ножки и тянулась вдоль доски пола.
Недалеко. Меньше метра. Там обрывалась среди других повреждений. Елена выключила фонарь.
— Вот теперь всё.
— Уверены?
— Нет.
— Хорошо.
Елена усмехнулась.
— Быстро учитесь.
Она вернулась к столу.
Осмотрела складку карты.
— Мне понадобится оборот.
— Переворачивать нельзя.
— Сейчас — нет.
— А потом?
— Если понадобится, по существующему сгибу и с полной опорой.
— Что ищем?
— Ничего.
— Это удобно.
— Это профессионально.
Елена провела лучом вдоль края.
И остановилась.
Из-под карты на несколько миллиметров выступал прозрачный угол.
Мира почувствовала давление чужого большого пальца на запястье.
На этот раз слабее. Она убрала руку за спину. Елена заметила.
— Что?
— Воспоминание.
— О чём?
— Об отце.
Елена посмотрела на прозрачный край.
— Из-за этого?
— Возможно.
— Тогда пока забудьте.
— Получится не сразу.
— Мне тоже редко удаётся.
Она присела ближе.
Не касалась.
— Это калька.
Мира промолчала.
Елена осветила край сбоку.

Материал пожелтел.
На надрыве скопилась старая пыль.
— Она лежит здесь давно.
— Можно понять, что на ней?
— Пока нет.
— Вытянуть?
— Нет.
— Значит?
— Значит, фиксируем положение и ждём нормальных условий.
Мира посмотрела на прозрачный угол.
Только один.
Этого было достаточно.
Не маршрут.
Не новая карта.
Не ответ.
Сам факт второго носителя под первым.
Елена достала блокнот.
Открыла чистую страницу.
Написала:
Карта — верхний слой.

Под нижним краем — прозрачный лист.

Положение не менять.
Потом закрыла блокнот.
— Всё?
— На сегодня — да.
Мира удивилась.
— Даже не попробуете посмотреть, что там?
— Конечно попробую.
— Но?
— Не сегодня.
Елена убрала фонарь.
— Вы вызвали меня, потому что не хотели создать связь раньше доказательства.
— Да.
— Тогда будет странно, если я за первые двадцать минут сделаю ровно это.
Мира посмотрела на неё.
— Вы мне нравитесь.
— Это пройдёт.
Телефон завибрировал.
Александр.
Мира ответила.
— Да.
За его голосом слышалось большое помещение.
Шаги.
Дверь.
Низкий шум вентиляции.
— Мы приехали.
— Хорошо.

— Мира.
Он замолчал.
— Что?
— Здесь хотят запустить сопоставление.
Она посмотрела на кальку. На закрытый ноутбук. На папки у стены.
— Уже?
— Только тест.
— Томас согласен?
— Нет.
— А ты?
Пауза.
— Пока не знаю.
Раньше Мира сказала бы, что думает сама.
Рассказала бы о царапине. О кальке. О руке отца.
О том, что Томас разделил архив, но всё равно построил из него готовую схему.
Теперь она посмотрела на Елену.
Та не слушала разговор.
Намеренно отошла к двери и занималась кейсом.
Мира сказала:
— Здесь нашли второй физический носитель.
Александр не спросил какой.
Не попросил фотографию.
Только:
— Старый?
— Похоже.
— Это всё, что знаем?
— Да.
Пауза.
— Тогда оставьте так.
Мира закрыла глаза на секунду.
— Ты тоже.
— Постараюсь.
Связь оборвалась.
Елена вернулась.
— Всё плохо?
— Пока нет.
— Значит, есть шанс испортить позже.
— Именно.
Они вместе посмотрели на карту.
На её край.
На узкую полоску кальки.
Больше ничего.
Не две версии.
Не три берега.
Не готовая система.
Только два слоя, которые пока не имели права становиться одним изображением.
Мира подошла к ноутбуку Томаса.
Подняла его.
Перенесла на подоконник.

Елена наблюдала.

— Зачем?

— Чтобы он не стоял напротив карты.

— Это меняет что-нибудь физически?

— Не знаю.

— Тогда зачем?

Мира посмотрела на стол.

— Чтобы мне самой было труднее решить, что они уже связаны.

Елена кивнула.

Без улыбки.

За окном дождь усилился.

Вода шла по стеклу отдельными дорожками.

Ни одна не складывалась в карту.

Пока.

Глава 3

Палимпсест

Томас не заговорил, пока машина не выехала со складской территории.

Сначала за окнами тянулись кирпичные корпуса, мокрые контейнеры и заборы. Потом дорога вышла к воде, и между зданиями показалась Маас — широкая, серая, тяжёлая под низким небом.

Александр смотрел в боковое стекло.

Томас вёл машину обеими руками.

Большой палец правой иногда сдвигался по коже руля на несколько миллиметров и возвращался обратно.

Не ритмично.

Просто слишком часто, чтобы не заметить.

— Она сама решила остаться? — спросил Томас.

Александр не сразу ответил.

— Да.

— Ты предлагал поехать вместе?

— Да.

— Она отказалась?

— Сказала, что справится.

Томас кивнул.

— И ты уехал.

— Как видишь.

— Я вижу машину.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Томас продолжал смотреть на дорогу.

— Хотел понять, решение было её или твоё.

— Её.

— Хорошо.

Александр повернулся к нему.

— Просто хорошо?

— А что ещё?

— Девять месяцев назад ты бы перечислил пять причин, почему это опасно.

— Девять месяцев назад я много чего делал.

— Например?

Томас помолчал.

— Попытался заменить страх процедурой.

Александр ничего не сказал.

Такого ответа он не ожидал.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Миры:

Елена приехала. Начинаем с бумаги и стола. Ничего не соединяем.

Александр прочитал.

Убрал телефон.

— Всё нормально? — спросил Томас.

— Да.

Он не попросил показать сообщение.
Это тоже было новым.

Центр «Палимпсест» размещался в бывшем административном корпусе компании, когда-то обслуживавшей портовые краны.

Старое название до сих пор висело на фасаде.

Часть букв выпцвела.

Две отсутствовали.

На месте одной остались только тёмные следы креплений.

Новой вывески не было.

Томас припарковался у бокового входа.

— Вы стесняетесь собственного названия? — спросил Александр.

— Ланской говорит, что вывеска не улучшает расчёты.

— Убедительно.

— Мне тоже понравилось.

Они вошли. У стойки охраны стояла рамка металлоискателя. Выключенная.

Кабель питания был свернут и закреплён у основания.

Александр посмотрел на неё.

— Не работает?

— Работает.

— Тогда почему выключена?

— Люди привыкли проходить через неё по одному.

Александр остановился.

Томас уже прошёл дальше.

— И этого достаточно?

— Для рамки — да.

— Томас.

Тот обернулся.

— Что?

— Это очень похоже на ритуал.

На лице Томаса что-то изменилось.

Не раздражение.

Усталость.

— Знаю.

Александр посмотрел на выключенный прибор.

— Тогда зачем оставили?

— Потому что я пока не придумал, где заканчивается нормальная организация пространства и начинается привычка, выросшая из страха.

Он помолчал.

— Если придумаешь — скажи.

Александр прошёл через рамку.

Она осталась обычным куском металла.

Внутри центр выглядел менее технологичным, чем Александр ожидал.

Не лаборатория из стекла и экранов.

Офис.

Серверные шкафы.

Кабельные короба.

Стол.

Бумажные карты.

Кружки.

Мокрые куртки на спинках стульев.

Но почти ни одно рабочее место не повторяло соседнее.

У одного сотрудника стояли три маленьких монитора.

У другого — один широкий.

Кто-то работал с ноутбуком.

На двух столах вообще не было компьютеров: только распечатки, прозрачные линейки и карандаши.

— Это всё после Борнхольма? — спросил Александр.

— Не всё.

— А что?

— Йона решила, что одинаковые инструменты слишком быстро создают одинаковые привычки.

Они прошли мимо большой настенной карты Северного моря.

Вместо единой реконструкции на ней были отдельные участки.

Некоторые перекрывались.

Между другими оставались белые промежутки.

— Похоже на плохо собранный пазл, — сказал Александр.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что он плохо собран.

Александр посмотрел на Томаса.

— Ты научился радоваться незавершённости?

— Не преувеличивай.

Они поднялись на второй этаж.

На площадке стояла коробка бумажных стаканов.

Один валялся на полу.

Томас посмотрел на него.

Александр тоже.

— Подними, — сказал Александр.

— Зачем?

— Потому что мусор.

— Проверяешь меня?

— Возможно.

Томас наклонился. Поднял стакан. Поставил в коробку.

— Ничего, — сказал он.

— Отлично.

— Не уверен.

— Почему?

— Потому что я всё равно подумал, что ты хотел проверить не стакан.

Александр пожал плечами.

— Это уже твоя проблема.

— Вот поэтому я и не люблю терапию.

Переговорная называлась «Эстуарий».

Под новой бумажной табличкой проступало старое обозначение:

СЕРВЕРНАЯ 2.

Внутри стояли две длинные столешницы.

Не соединённые.

Между ними оставался проход примерно в полметра.

Люди могли сидеть друг напротив друга, разговаривать, смотреть на один экран — но не могли одновременно схватить один лист.

У окна стоял Виктор Ланской. Высокий. Худой. Около пятидесяти. Тёмный костюм без галстука.

На запонках разные вставки: слева чёрный квадрат, справа светлый круг.

Рядом с проектором сидела Йона Келлер.

Тёмные волосы собраны на затылке.

Правой рукой она держала карандаш.

Левой печатала.

Перед ней лежали три распечатки одного участка Северного моря.

Ни одна не совпадала с двумя другими.

Елена сидела ближе к окну.

На локте куртки осталась серая бумажная пыль.

Значит, она уже успела побывать на складе.

Александр посмотрел на часы на стене.

Почти два часа после их отъезда.

Томас заметил.

— Мы заезжали в портовое управление за доступами.

— Я ничего не спросил.

— Но собирался.

Елена подняла голову.

— Мира осталась со складом.

— Знаю.

— Она просила передать, что второй участок царапины нашли.

Томас напрягся.

— Где?

— Не сейчас.

Он посмотрел на неё.

Елена добавила:

— Она специально не прислала фотографию.

Томас медленно кивнул.

— Правильно.

Ланской отошёл от окна.

— Александр Ветров.

Не вопрос.

— Виктор Ланской.

Они пожали руки.

Обычное рукопожатие.

Александр поймал себя на том, что отмечает это.

Чужая ладонь.

Давление пальцев.

Руки после прикосновения расходятся.

Никакой второй геометрии.

Никакого остаточного движения.

Он разозлился на себя.

Ланской уже сел.

— Вы видели карту?

— Да.

— R-17?

— Да.

— Обозначение ваше?

— Нашей группы.

— Когда появилось?

— Девять месяцев назад. Борнхольм.

Елена сказала:

— Поэтому нас пока интересует не древность отметки.

Ланской посмотрел на неё.

— А что?

— Кто и когда нанёс современный код на старую карту.

— Если карта действительно старая.

— Именно.

Он кивнул.

Елена на секунду растерялась.

— Хорошо.

— Вы ожидали спора?

— Немного.

— Успеет.

Она слабо улыбнулась.

— Вот теперь лучше.

Йона подняла карандаш.

— Если вы закончили распределять роли, можно показать, ради чего мы здесь?

Свет не выключали.

Йона вывела изображение на матовую перегородку между столами.

Появилось Северное море.

Но без привычных очертаний современных берегов.

Серые полосы.

Слои.

Неровные границы.

Глубины.

Длинные тёмные линии под морским дном.

Для неспециалиста — почти помехи.

Александр смотрел несколько секунд, пока изображение не начало складываться.

Не в карту.

В землю.

Будто кто-то сделал рентген морского дна и показал всё, что находилось под верхним слоем: старые впадины, разрушенные берега, русла исчезнувших рек.

Елена подошла ближе.

— Здесь когда-то была суша.

Александр кивнул.

Он знал.

Но знание и изображение оказались разными вещами.

За стенами центра текла Маас.

В нескольких десятках километров начиналось Северное море.

А под ним сохранялись следы территории, по которой когда-то можно было идти пешком.

Реки. Низины. Болота.

Места, где люди разводили огонь, носили воду, переходили с одного берега на другой ещё до того, как море стёрло саму возможность назвать эти места берегом.

На несколько секунд Александр забыл, зачем приехал.

Просто смотрел.

Елена заметила.

Ничего не сказала.

Йона нажала клавишу.

Через серый ландшафт прошла широкая линия.

— Если совсем просто, — сказала она, — это наиболее удобная для модели версия древнего русла.

Ланской посмотрел на неё.

— Удобная?

— Наиболее согласованная с текущими ограничениями.

— А по-человечески?

Йона вздохнула.

Нажала другую клавишу.

Линия рассыпалась.

Вместо одной реки появились десятки.

Одни уходили севернее.

Другие раздваивались.

Третьи исчезали в низинах.

Некоторые снова соединялись через несколько километров.

— Вот по-человечески, — сказала Йона.

Ланской нахмурился.

— Сколько их?

— Двести сорок восемь допустимых вариантов.

Александр смотрел на экран.

— То есть первая карта врёт.

— Нет, — сказала Йона.

— Да, — одновременно сказала Елена.

Они посмотрели друг на друга.

Йона первой улыбнулась.

— Математически — не врёт.

Елена указала на одну жирную линию, оставшуюся на экране.

— Но человек запомнит именно её.

— Потому что она наиболее вероятна.

— Потому что она одна.

Ланской сложил руки на столе.

Разные запонки оказались рядом.

— Иногда нам нужна одна.

Елена повернулась.

— Для чего?

— Чтобы действовать.

— С прошлым?

— С настоящим.

Он указал на участок карты.

— Если здесь собираются прокладывать кабель, его нельзя вести по двумстам сорока восьмью версиям.

— Кабелю всё равно, какая из них исторически правильная.

— Вот именно.

— А археологу нет.

— Я не предлагаю публиковать рабочую модель как истину.

— Пока.

Ланской посмотрел на неё.

Без раздражения.

— Вы заранее решили, что я хочу законченной истории?

— Вы финансируете систему, которая строит законченные версии.

— Потому что незаконченные не всегда позволяют принять решение.

— А законченные иногда позволяют принять неправильное.

— Это уже похоже на разговор.

Елена не ответила.

Александр посмотрел на Томаса.

Тот стоял у двери.

Не вмешивался.

Йона убрала итоговую линию.

На экране остались разрозненные источники.

— Вот это геофизические профили.

Она выделила несколько длинных полос.

— Проще говоря, изображения слоёв под дном. Как рентген земли.

Ещё точки.

— Керны. Длинные цилиндры грунта. Поднимаем со дна и смотрим слои: морской ил, песок, торф. Получается кусок истории берега в натуральном разрезе.

Елена кивнула.

— Дальше.

Появились старые карты глубин.

Потом отметки находок, поднятых тралами.

— Эти убрать из того же уровня достоверности, — сказала Елена.

Йона повернулась.

— Почему?

— Потому что трал таскает предмет по дну. Место подъёма не равно месту, где вещь лежала изначально.

Йона отключила слой. Часть реконструкции побледнела. Ланской заметил.

— Уверенность упала.

— Да.

— Сильно.

— Да.

— И вас это радует? — спросил он Елену.

— Очень.

— Почему?

— Потому что мы только что перестали знать то, чего не знали.

Ланской усмехнулся.

— Вы дорогой специалист.

— Ошибки обычно дороже.

Большой белый прямоугольник Александр увидел только после того, как исчезли спорные находки.

В центре реконструкции не было ничего.

Не пустой ландшафт.
Отсутствие измерений.

— Здесь что?

— У нас нет исходных данных, — сказала Йона.

Елена тут же поправила:

— У них нет исходных данных.

Йона кивнула.

— Центральный сектор принадлежит другому архиву. Полный набор нам не передали.

Александр посмотрел на прежнюю итоговую реконструкцию.

— Но река через него проходила.

— Да.

— Откуда?

Йона вывела старую версию.

Широкое русло входило в белый участок слева.

Выходило справа.

Между двумя известными частями лежала уверенная линия.

— Модель достраивает наиболее совместимые варианты, — сказала Йона. — Если знаем направление русла по обе стороны, высоты, уклон и соседний рельеф, можно оценить, как оно могло проходить между ними.

— Как дорогу в тумане, — сказал Александр.

— Да. Видишь кусок до тумана. Потом кусок после. Между ними строишь возможные соединения.

— Но на итоговой карте остаётся одно.

— Да.

Елена указала на белый прямоугольник.

— И через месяц никто уже не вспомнит, что середину никто не видел.

Ланской спросил:

— Но для обследования эта линия полезна?

— Да, — ответила Йона.

— Значит, отправляем судно и проверяем.

Елена посмотрела на него.

— Вот теперь начинается настоящая проблема.

— Почему?

— Потому что вы уже говорите не «куда имеет смысл посмотреть».

Она указала на реку.

— Вы говорите «проверить её».

Ланской замолчал.

На секунду в комнате стало слышно только вентиляцию.

Александр понял, почему название центра подходит ему слишком хорошо.

Палимпсест.

Старая рукопись, поверх которой написали новую.

Нижний текст не обязательно исчез.

Просто верхний читается легче.

В комнату вошёл молодой сотрудник с подносом.

Кофе.

Чай.

Вода.

Печенье.

Ланской посмотрел на него.

— Марк?

— Вы с утра ничего не ели.

— Спасибо.

Сотрудник поставил поднос и ушёл.

Елена взяла упаковку печенья.

— Я думала, богатые люди питаются лучше.

— Это исследовательский центр, — сказал Ланской.

— Ваш.

— Поэтому денег и нет.

Она открыла упаковку.

Одно печенье сломалось.

Крошки упали на чистый лист.

Елена посмотрела вниз.

— Всё.

— Что? — спросил Александр.

— Новый культурный слой.

— Происхождение хотя бы известно.

Йона рассмеялась.

Томас тоже.

Ланской покачал головой.

Несколько секунд они просто ели чужое печенье в бывшей серверной.

Никто ничего не реконструировал.

Телефон Александра завибрировал.

Сообщение Миры.

*Второй участок царапины найден. След уходит под металлическое крепление шкафа.
Шкаф не двигали. Не фотографирую.*

Он перечитал.

Томас заметил.

— Всё нормально?

— Да.

— Хорошо.

Не спросил что.

Александр посмотрел на него.

— Ты меня пугаешь.

— Почему?

— Становишься нормальным.

— Не распространяй.

Они вернулись к расчёту.

Елена потребовала убрать ещё несколько источников с сомнительным происхождением.

Йона отключала их один за другим.

Каждый раз реконструкция становилась менее красивой.

Русла распадались.

Берега теряли чёткость.

Некоторые участки превращались в серое поле.

— Мы работаем второй час и знаем всё меньше, — сказал Ланской.

— Прекрасно, — ответила Елена.

— Вы удивительно радуетесь провалам.
— Только честным.
Йона смотрела на центральный белый сектор.
— Подождите.
Она приблизила изображение.
— Что? — спросил Томас.
— После удаления последнего керна число допустимых соединений должно было вырасти.
— Выросло?
— Сначала.
— А потом?
— Снизилось.
Елена подошла.
— Насколько?
— Было сорок три.
Йона помолчала.
— Теперь четыре.
Ланской нахмурился.
— Почему?
— Не знаю.
— Добавились данные?
— Нет.
— Значит, изменился расчёт.
— Без нового источника настолько сильно — не должен.
Она сама произнесла последнее слово и замолчала.
Перед ней лежал сломанный карандаш.
Йона посмотрела на него.
Потом на экран.
Эту архитектуру она собирала несколько лет.
Не отдельную программу.
Сам принцип.
Каждый вывод должен был хранить происхождение.
Любая уверенная линия — иметь след назад.
К данным.
К допущению.
К человеку, который разрешил его использовать.
Именно это отличало «Палимпсест» от обычной системы, способной выдать красивую картинку и забыть, почему она её нарисовала.
Йона повернула обломок карандаша между пальцами.
— Покажи четыре, — сказала Елена.
Йона вывела варианты.
Одно русло шло почти прямо.
Второе отклонялось к северу.
Третье делало широкую дугу.
Четвёртое разделялось на две протоки и соединялось дальше.
— Убери предпочтение гладких траекторий, — сказала Елена.
Йона посмотрела на неё.
— Карта станет хуже.
— Отлично.

Она отключила параметр.
Четыре линии исчезли.
Остались десятки коротких фрагментов.
Белый прямоугольник снова стал почти пустым.
Йона почувствовала облегчение.
Слишком сильное.
Не потому, что результат стал правильным.
Потому что система снова выглядела знакомой.
Так, как должна была выглядеть при недостатке данных.
Ланской указал на левую и правую части русла.
— Река всё равно должна проходить между ними.
— Не обязательно именно так, — сказала Елена.
— Вода не исчезает.
— Следы исчезают постоянно. Русло могло разветвляться. Меняться. Уходить в низину.
Позднее его могла уничтожить эрозия.
— То есть между двумя известными участками у нас ничего?
— Не ничего.
Елена посмотрела на белый прямоугольник.
— Неизвестность.
— Очень полезно.
— Иногда это самый полезный результат.
Йона вдруг перестала дышать.
Не надолго.
На один обычный вдох, который не сделала.
В белом секторе снова появилась линия.
Она не была гладкой.
Тёмное русло входило в разрыв слева.
Резко поворачивало.
Раздваивалось вокруг вытянутого участка.
Две протоки снова соединялись.
Потом линия выходила к известному руслу справа.
Елена подошла ближе.
— Верни предыдущий кадр.
Йона вернула.
Пусто.
Следующий.
Линия.
Предыдущий.
Пусто.
Следующий.
Линия.
— Какой параметр её построил? — спросил Томас.
Йона открыла журнал.
Провела глазами по строкам.
Прокрутила.
Вернулась.
Ничего.
Каждый прежний результат имел путь назад.
Этот — нет.

Она проверила ещё раз.

Не потому, что ожидала найти строку.

Потому что несколько лет учила себя не верить первому чтению собственного кода.

Путь происхождения не появился.

— Йона? — сказал Ланской.

Она подняла голову.

— Я не знаю, откуда она взялась.

В комнате стало тихо.

И впервые это признание прозвучало для неё не как нормальная научная осторожность.

Как профессиональный провал.

Не системы вообще.

Её системы.

Той самой, которую она строила именно для того, чтобы подобная фраза никогда не понадобилась.

Томас подошёл ближе.

— Интерполяция?

— Отключена.

— Старый результат?

— Не должен использоваться.

— Проверить кэш.

— Потом.

Он посмотрел на неё.

— Почему потом?

Йона указала на экран.

— Потому что если я сейчас начну искать объяснение во всём сразу, через десять минут у нас будет объяснение, которое нравится больше остальных.

Томас остановился. Медленно кивнул. Ланской встал.

— Что именно мы видим?

Елена не отрывала глаз от карты.

— Подробную форму там, где исходных измерений нет.

— Насколько подробную?

Она указала.

— Поворот.

Ниже.

— Разделение русла.

Ещё ниже.

— Оно огибает участок суши.

— Остров?

— Возможно.

— Он же нарисован.

Елена повернулась к нему.

— Картинка не делает его существовавшим.

Ланской кивнул.

— Хорошо.

Александр подошёл ближе.

Теперь он видел главное.

Чтобы соединить два известных края, не требовались ни этот резкий поворот, ни остров, ни вторая протока.

Модель не просто заполнила пробел. Она создала внутри него ландшафт. Томас сказал:

— Остановить расчёт.
— Уже, — ответила Йона.
— Новый запуск не делать.
— Не делаю.
— Результат не сохранять.
Йона покачала головой.
— Геометрию — нет.
— Тогда что?
— Сам факт возникновения.
Она развернула к нему журнал.
— Состояние процесса. Активные ограничения. Последовательность операций. Всё, что было до появления линии.
— Без изображения?
— Без изображения.
Ланской спросил:
— Зачем?
Йона ответила не сразу.
— Потому что если мы сохраним реку, следующая система уже будет знать, что её нужно искать.
Елена посмотрела на неё.
— А если не сохраним?
— Тогда у нас останется шанс выяснить, почему она появилась, не превращая результат в новый источник.
Ланской положил ладони на стол.
Чёрная и светлая запонки оказались рядом.
— Делайте.
Томас посмотрел на него.
— Без геометрии.
— Без геометрии.
Йона начала сохранение.
На экране ничего не исчезло.
Русло осталось.
Тёмная линия входила в место, о котором никто ничего не знал.
Раздваивалась.
Огибала вытянутый участок суши.
Снова становилась одной.
Елена стояла перед изображением, засунув руки в карманы.
— Красиво, — сказала она.
Александр посмотрел на неё.
— Это плохо?
— Очень.
— Почему?
Она не отвела взгляд от экрана.
— Потому что красивую версию хочется оставить.
Телефон Александра снова завибрировал.
Мира.
Продолжение царпины нашли. Я не присылаю. Сначала закончите своё.
Он прочитал.
Убрал телефон.

Томас не спросил.

На экране «Палимпсеста» оставался участок древней реки, которого не измерял ни один прибор.

Но у неё уже был поворот.

Остров.

Две протоки.

И собственный путь через место, о котором никто ничего не знал.

Глава 4

Чужой контекст

На столе лежали три реки.

Ни одной из них не существовало.

Йона разнесла распечатки по комнате сразу после остановки расчёта. Одну положила возле окна. Вторую — на край пустого стола. Третью оставила рядом с погашенным проектором.

На первой тёмная линия почти прямо пересекала белый участок.

На второй расходилась вокруг вытянутой возвышенности, будто вода когда-то встретила остров.

На третьей уходила далеко к югу и возвращалась только через несколько километров.

Александр переходил от листа к листу.

Теперь всё выглядело гораздо менее впечатляюще, чем на экране.

И от этого — честнее.

— А четвёртая? — спросил Ланской.

Йона не подняла головы.

— Осталась в памяти процесса.

— Та, которую мы видели последней?

— Да.

— Почему не распечатали?

— Потому что она появилась последней.

Ланской посмотрел на неё.

— Это объясняет порядок. Не причину.

Йона положила карандаш.

На деревянном корпусе осталась небольшая вмятина от ногтя.

— Причину я пока не знаю.

Томас стоял возле двери.

Большой палец правой руки снова двигался по боковому шву брюк.

Вверх.

Вниз.

— Удалить, — сказал он.

Ланской повернулся.

— Что именно?

— Последнее состояние.

— Нет.

— Тогда отключить от дальнейших расчётов.

— Это можно сделать?

Йона кивнула.

— Можно запустить чистую сессию.

— Значит, делаем.

— Подождите, — сказал Александр.

Томас посмотрел на него.

— Что?

— Мы пытаемся защитить следующий расчёт от предыдущего.

— Да.

— Но предыдущий уже видели пять человек.

— Четыре.

Елена сидела у окна.

Она подняла глаза.

— Пять.

Томас нахмурился.

Елена показала телефон.

— Мира получила только текстовое описание. Без геометрии.

— Тогда четыре с половиной, — сказал Александр.

Йона неожиданно усмехнулась.

Томас — нет.

— Людей нельзя очистить перед новым запуском, — продолжил Александр.

— Поэтому я и предлагаю остановиться.

Ланской расстегнул верхнюю пуговицу пиджака.

— После одного необъяснённого результата?

— После результата, который система не способна объяснить собственными источниками.

— Йона сказала «пока».

— Она сказала, что не знает, откуда он взялся.

— В науке это не повод закрыть лабораторию.

— Мы не в лаборатории.

Ланской оглядел комнату.

— Это буквально исследовательский центр.

— Я не о помещении.

На несколько секунд стало тихо.

Снаружи по коридору кто-то провёз тележку. Одно колесо было повреждено и на каждом обороте коротко постукивало.

Александр услышал повтор. Сразу перестал его слушать. Елена встала. Подошла к первой распечатке.

— Можно мне список источников?

Йона протянула ей отдельный лист.

Елена быстро пробежала глазами.

Потом вернулась к началу.

— Вот этот профиль. D-48.

— Что с ним?

— Откуда?

— Промышленная сейсмика.

Ланской заметил выражение Александра.

— Изображение слоёв под морским дном, — пояснила Йона. — Почти как рентген земли.

— Спасибо.

— Я не вам.

Александр кивнул на Елену.

— Продолжайте.

Елена провела ногтем по полю рядом с обозначением.

Не по самой строке.

— Кто определил здесь древнюю поверхность?

— Два геофизика.

— Археологи?

- Нет.
- Они искали что?
- Йона задумалась.
- Скорее всего, структуру осадков для инженерной оценки.
- То есть один специалист посмотрел на несколько отражающих слоёв и решил, который из них важен для своей задачи. Потом ваша модель получила уже его решение.
- Проверенное решение.
- Для его задачи.
- Йона скрестила руки.
- Физический слой от профессии наблюдателя не меняется.
- Нет. Меняется то, какой слой он выбирает.
- Ланской подошёл ближе.
- Вы говорите, что данные ненадёжны?
- Я говорю, что слова «данные» недостаточно.
- Елена взяла одну распечатку.
- Подняла.
- Представьте семейную фотографию.
- Ланской терпеливо ждал.
- На ней пятеро людей. Вы знаете лица. Рост. Кто где стоит. Даже можете измерить расстояние между ними.
- И?
- Но если отрезать оборот, на котором написано, что это похороны, вы можете построить прекрасную реконструкцию семейного праздника.
- Александр посмотрел на неё.
- Елена положила лист обратно.
- Контекст — это не украшение вокруг факта. Иногда именно он решает, что за факт перед вами.
- Йона посмотрела на три разные реки.
- То есть вы считаете, что последнее русло могло появиться из ошибочной интерпретации одного источника?
- Считаю, что сначала нужно проверить источники.
- Все?
- Нет.
- Елена снова просмотрела список.
- Самые слабые.
- По какому критерию?
- По расстоянию между предметом и его первоначальным местом.
- Йона не поняла.
- Елена ткнула ногтем в одну строку.
- Вот это.
- Александр наклонился.
- М4-1178**
- Ниже:
- Фрагмент рога. Предположительно наконечник. Северное море.**
- Музей? — спросил он.
- Да, — ответила Йона. — Морская коллекция.
- Почему он вообще участвует в реконструкции русла?
- Не в геометрии русла напрямую. В оценке человеческой активности рядом.
- Переведи.

Йона вздохнула.

— Если на определённом участке нашли обработанный предмет, вероятность присутствия там людей повышается.

— Уже лучше.

Елена всё ещё смотрела на строку.

— Координата подъёма?

Йона открыла карточку на ноутбуке.

Помолчала.

— Нет.

— Судно?

— Есть только порт передачи.

— Глубина?

— Нет.

— Кто поднял?

— Не указан.

— Когда?

— Интервал примерно в семь лет.

Ланской приподнял брови.

— Семь лет?

— Записи объединены при поздней оцифровке.

Елена посмотрела на него.

— Вот.

— Что «вот»?

— У нас нет места находки.

— Но есть предмет.

— Да.

— Обработанный человеком.

— Возможно.

— Вы сами сейчас сказали «предмет».

— Я сказала это по привычке.

Она повернула экран к себе.

На фотографии лежал тёмный продолговатый фрагмент размером примерно с ладонь.

Один конец был заострён. По поверхности шли неглубокие борозды. Рядом лежала линейка.

Если не знать ничего больше, вещь действительно напоминала обломок какого-то инструмента.

Александр спросил:

— Что с ним не так?

— Пока ничего.

— Тогда почему вы так смотрите?

— Потому что подпись уже рассказывает историю.

Она прочитала:

— «Фрагмент рога. Предположительно наконечник».

— И?

— Мы ещё не установили ни рог, ни наконечник.

Ланской сказал:

— Классификация имеет вероятность, а не утверждение.

— Человек не запоминает вероятность.

Елена взглянула на него.

— Он запоминает концевик.

Через десять минут они ехали в Лейден.

Йона осталась в «Палимпсесте».

Томас — тоже.

Перед отъездом он потребовал разделить три распечатки.

Йона ответила, что уже разделила.

Он потребовал не присваивать им общую нумерацию.

Она посмотрела на него так, будто хотела бросить карандаш.

В итоге подписала листы буквами из трёх разных случайно выбранных слов.

Первый — **Море**.

Второй — **Кофе**.

Третий — **Дверь**.

— Это нелепо, — сказал Томас.

— Именно поэтому должно сработать.

— Что?

— Тебя раздражает.

Александр вышел, пока спор снова не стал профессиональным.

Елена уже ждала на парковке.

Ланской открыл свою машину.

— Поедем вместе.

Елена посмотрела на него.

— Зачем?

— Потому что у меня доступ в фонд.

— Можно передать разрешение.

— Можно. Но я хочу увидеть предмет.

— Тогда садитесь сзади.

Ланской остановился.

— Это принципиально?

— Нет. Мне просто не нравится, когда незнакомый человек сидит рядом и смотрит, как я веду.

Александр спрятал улыбку.

Ланской сел назад.

Дождь закончился где-то по дороге.

Асфальт ещё блестел, но над полями появился свет.

Не солнце.

Просто небо стало выше.

Елена вела старый универсал, в котором пахло кофе, влажной тканью и бумажными папками.

На панели лежала открытая пачка мятных конфет.

Ланской взял одну.

— Можно?

— Вы уже взяли.

Он положил конфету обратно.

Елена посмотрела в зеркало.

— Теперь можете.

Ланской снова взял. Александр отвернулся к окну. Через несколько минут спросил:

— Почему именно этот предмет?

— Потому что он один из самых слабых источников модели, — сказала Елена.

— Но слабые источники должны меньше влиять.

— По отдельности.

— А вместе?

— Вместе слабые вещи иногда начинают подтверждать друг друга.

— Хотя происходят из одной ошибки?

— Именно.

Она перестроилась.

— Представьте: в старом каталоге вещь называли наконечником. Потом по слову «наконечник» её включили в подборку охотничьих предметов. Потом эта подборка стала обучающим материалом для системы классификации. Через двадцать лет программа смотрит на исходный предмет и говорит: «Очень похож на наконечник».

— Потому что её учили на нём самом.

— Иногда.

— Замкнутый круг.

— Очень убедительный замкнутый круг.

С заднего сиденья Ланской сказал:

— Вы уже решили, что именно так произошло.

— Нет.

— Звучит именно так.

— Я показываю механизм ошибки.

— Используя наш предмет как пример.

— Потому что мы едем к нему.

— То есть создаёте ожидание.

Елена посмотрела в зеркало.

Несколько секунд молчала.

— Справедливо.

Ланской улыбнулся.

Не победно.

Скорее удовлетворённо.

— Поэтому я здесь.

— Не привыкайте.

Александр перевёл взгляд с одного на другого.

Впервые понял, почему Томас раздражается рядом с Ланским.

Не потому, что тот всегда спорил.

Потому что иногда оказывался прав.

Хранилище находилось не в красивом музейном здании.

Обычный промышленный корпус. Светлый бетон. Высокие ворота. Несколько служебных машин.

У входа их встретил Питер ван дер Меер — невысокий мужчина в синем свитере и слишком тонких для погоды ботинках.

— Елена?

— Да.

Они пожали руки.

— Виктор Ланской.

— Знаю.

— Александр Ветров.

Питер чуть задержался.

— Тоже знаю.
Александр посмотрел на Елену.
Она сказала:
— Здесь все читают письма.
Питер провёл их внутрь.
В коридоре пахло картоном и пылью.
Не музейной древностью.
Складом.
По обе стороны тянулись закрытые двери с номерами.
В одной комнате работал промышленный пылесос.
В другой женщина за столом заполняла пластиковые контейнеры мягким упаковочным материалом.
Никаких стеклянных витрин.
Никакой торжественности.
Просто огромное количество вещей, которым кто-то когда-то решил не дать исчезнуть.
— Объект уже подготовлен? — спросила Елена.
— Да.
— Кто открывал?
— Я.
Она остановилась.
Питер тоже.
— Когда?
— Утром.
— Зачем?
— Проверить состояние перед вашим приездом.
Елена закрыла глаза.
Не раздражённо.
Как человек, которому пришлось мысленно вычеркнуть один вариант работы.
— Что изменили?
— Ничего.
— Положение упаковки?
— Нет.
— Предмет трогали?
— Нет.
— Фотографии?
— Сделал.
— До открытия?
Питер замолчал.
— Нет.
Елена кивнула.
— Хорошо.
— Это плохо?
— Это уже произошло.
Они пошли дальше.
Александр догнал её.
— Вы злитесь?
— Нет.
— По лицу незаметно.
— Я злюсь.

— Тогда почему сказали «хорошо»?

— Потому что если человек уже сделал ошибку, заставлять его оправдываться — отличный способ получить вторую.

Она открыла дверь лаборатории.

— Мне нужна первая.

Серая коробка стояла на большом белом столе.

На боковой стенке — этикетка:

M4-1178

Ниже:

ФРАГМЕНТ РОГА

ПРЕДП. НАКОНЕЧНИК

СЕВЕРНОЕ МОРЕ / ФЛИССИНГЕН

Елена не подошла сразу.

— Флиссинген — место находки?

Питер покачал головой.

— Так записано в каталоге.

— Я спросила другое.

— Не знаю.

— Уже лучше.

Она обошла стол.

— Коробка когда появилась?

— Девяностые.

— Предмет старше упаковки.

— Разумеется.

— Откуда его перенесли?

— Должна быть копия старой карточки внутри.

— Не открываем.

Питер удивился.

— Мы же ради этого...

— Сначала внешняя фиксация.

— Коробка стандартная.

— Именно.

— Почему «именно»?

— Потому что стандартные вещи никто не фотографирует внимательно.

Питер принёс камеру.

Елена попросила снять каждую сторону.

Потом верх.

Дно.

Этикетку крупно.

Ланской стоял у стены.

Ничего не комментировал.

На четвёртом снимке Елена сказала:

— Ещё раз.

— Что не так?

— Блик.

Питер переставил свет.

Сделал повторно.

— Теперь открываем.

Он надел перчатки.
Снял крышку.
Внутри лежал свёрток из серой бумаги.
На нём карандашом:

К-31

Рядом — почти стёртая круглая печать.
Елена наклонилась.
— Это старая упаковка?
— Да.
— Насколько старая?
— Не знаю.
— Фотография при переупаковке есть?

Питер открыл электронную карточку. Нашёл снимок. Поставил планшет рядом с коробкой. Александр посмотрел.

На старой фотографии серый свёрток лежал почти так же.
Почти.

Елена показала на левый край.
— Сейчас он наружу.
На фотографии край был подвернут внутрь.
— Пару миллиметров, — сказал Ланской.
— Да.
— Это важно?
— Не знаю.
— Тогда почему останавливаемся?

Елена посмотрела на него.

— Потому что через пять минут я могу узнать, что именно лежало под этим краем. Если сейчас изменить положение, уже никогда не узнаю, существовало ли оно раньше.

Она повернулась к Питеру.
— Кто последним осматривал?
— Помощница хранителя.
— Она здесь?
— Сегодня нет.
— Связаться можно?
— Да.
— Не надо.
Питер удивился снова.
— Почему?
— Сначала журнал.

Через полчаса белый стол был завален не артефактами.
Бумажками.
Копиями карточек.
Распечатками из старой базы.
Листами переупаковки.
Елена раскладывала их по времени.
Не по содержанию.
Самая старая запись:

К-31

Без названия предмета.

Без координат.

Только:

МОРСКОЙ СБОР. СМЕШАННАЯ ПАРТИЯ.

Следующая карточка появилась спустя годы.

Органический материал. Вероятно рог.

Потом:

Фрагмент орудия.

Ещё позже:

Предп. наконечник.

И только в цифровой карточке:

Фрагмент многозубчатого орудия.

Александр посмотрел на последовательность.

— Предмет становится всё более определённым.

— Да, — сказала Елена.

— Данных тоже становится больше?

— Нет.

Он снова посмотрел.

Чем дальше запись отходила от находки во времени, тем больше знала о ней.

— Это нормально?

— Часто.

— Тогда проблема?

— В том, что новые определения начали выглядеть как старые факты.

Ланской взял последний лист.

— Здесь стоит семьдесят один процент.

— Где?

— Классификация материала как рог.

— Это уже анализ?

Питер ответил:

— Фотометрический.

— По фотографии? — спросил Александр.

— По нескольким снимкам.

Елена взяла карточку.

— Образец не брали?

— Нет.

— Тогда у нас не «рог».

Она перевернула лист.

— У нас «материал, похожий на рог на фотографии».

Ланской помолчал.

— Звучит гораздо хуже.

— Потому что ближе к правде.

Питер нахмурился.

— Но это почти наверняка рог.

— Возможно.

— Вы сами видите.

— Я вижу фотографию.

— Можно открыть.

Елена посмотрела на свёрток.

— Теперь можно.

Предмет оказался легче, чем Александр ожидал.
Не по массе.
По впечатлению.
На фотографии он выглядел почти оружием.
Вживую — обломком.
Питер положил его на мягкую подложку.
Тёмный.
Немного выгнутый.
С неровным заострённым концом.
По одной стороне шли борозды.
Елена долго смотрела.
Потом попросила лупу.
— Можно взять?
— Да.
Она не взяла предмет.
Подвинула лупу над поверхностью на гибком держателе.
— Видите? — спросила.
Александр подошёл.
— Что?
— Заострение.
— Вижу.
— Оно не закончено.
— В каком смысле?
— Если это рабочий конец инструмента, поверхность должна быть обработана до края.
Она указала.
— Здесь борозды обрываются раньше. Дальше обычный излом.
Ланской подошёл с другой стороны.
— Значит, наконечник сломан.
— Возможно.
— Это подтверждает классификацию.
— Нет.
— Почему?
— Потому что заготовка тоже может сломаться.
— Для наконечника.
— Для чего угодно.
Ланской выдохнул.
— Удобная позиция.
Елена подняла голову.
— Археология вообще неудобна.
Она повернула лупу.
— Вот этот участок.
Александр увидел светлую полосу.
— Износ?
— Похоже.
— От чего?
— Вот это уже неправильный вопрос.
— Почему?
— Потому что вы хотите функцию раньше следа.
Она немного подвинула свет.

— Сначала надо установить направление нагрузки.

— И?

Елена замолчала.

Потом:

— Поперечное.

— Что это значит?

— Если предмет использовали как наконечник, я ожидала бы другое направление полировки.

Ланской сказал:

— Но не исключает.

— Не исключает.

— Значит, модель остаётся допустимой.

— Да.

— Шестьдесят восемь процентов?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ваши шестьдесят восемь посчитаны на плохом исходном описании.

Ланской посмотрел на Питера.

Потом на карточки.

— Материал предположительный.

— Да.

— Функция поздняя.

— Да.

— Место находки неизвестно.

— Да.

— Форма неполная.

— Да.

— Износ неоднозначный.

— Да.

Он на секунду прикрыл глаза.

— Тогда зачем этот предмет вообще попал в расчёт?

Никто не ответил сразу.

И именно эта пауза оказалась неприятнее любого объяснения.

Александр посмотрел на обломок.

На музейную коробку.

На карточки.

Одна ошибка ещё ничего не значила.

Но здесь ошибки не просто накапливались.

Они поддерживали друг друга.

Неизвестное место превратилось в Северное море у Флиссингена.

Неизвестный материал — в рог.

Обломок — в оружие.

Оружие — в наконечник.

Наконечник — в свидетельство человеческой активности.

А свидетельство человеческой активности стало одним из ограничений модели, которая пыталась провести через пустой участок древнюю реку.

— Вот ваш контекст, — сказала Елена.

Очень тихо.

Ланской посмотрел на неё.

— Его отсутствие.

— Нет.

Она покачала головой.

— Чужой.

— В чём разница?

Елена взяла старую карточку **К-31**.

— Когда контекста нет, мы честно говорим: не знаем.

Положила рядом современную.

— А здесь пустое место постепенно заполнили чужими решениями.

Александр смотрел на две карточки.

Первая почти ничего не говорила.

Вторая знала всё.

И именно вторая была менее надёжной.

Питер принёс кофе.

Не музейный.

Из автомата в коридоре.

Пластиковые стаканчики были слишком горячими, а кофе — слишком слабым.

Елена сделала глоток.

Сморщилась.

— Это наказание?

Питер улыбнулся.

— Бесплатно.

— Тогда понятно.

Ланской взял свой стакан.

— И что дальше?

— Ничего, — сказала Елена.

— В каком смысле?

— Предмет не передаём модели.

— Совсем?

— Пока не восстановим происхождение.

— А если невозможно?

— Значит, невозможно.

Ланской поставил кофе.

— Вы предлагаете выбросить существующий объект из анализа из-за плохой документации.

— Не выбросить.

— Он перестаёт влиять на реконструкцию.

— Да.

— Хотя физически существует.

— Да.

— Его сделал человек.

— Возможно.

— Вы это сейчас всерьёз?

Елена посмотрела на него.

— Более чем.

— Хорошо. Допустим, материал завтра подтвердят.

— Останется функция.

— Подтвердят износ.

— Останется место.
— Найдём журнал.
— Тогда вернём.
— А если журнал утрачен?
— Не вернём.
Ланской усмехнулся без радости.
— У вас очень дорогой способ ничего не знать.
Елена не ответила сразу.
Александр видел, как её пальцы сильнее сжали бумажный стакан.
Совсем немного.
Потом она поставила его на стол.
— Иногда это единственное, за что нам платят.
Сказала спокойно.
Но что-то в голосе изменилось.
Не настолько, чтобы спросить.
Достаточно, чтобы запомнить.
Ланской тоже заметил.
И впервые не продолжил спор.

Александр вышел в коридор.
Позвонил Мире.
Она ответила не сразу.
На фоне что-то шуршало.
— Ты где?
— На складе.
— Всё ещё?
— Елена велела ничего не двигать.
— И ты решила буквально.
— Я учусь.
— Нашли продолжение?
— Да.
Александр прислонился к стене.
— Где?
Пауза.
— Ты сейчас в музее?
— Да.
— С предметом?
— Да.
— Тогда не скажу.
Он улыбнулся.
— Правильно.
— Ты очень быстро согласился.
— Здесь тоже учат.
— Успешно?

Александр посмотрел через открытую дверь лаборатории.
Ланской стоял над двумя карточками.
Питер снова листал журнал.
Елена держала лупу над тёмным обломком.
— Болезненно.

— Значит, успешно.
Мира помолчала.
— Саша.
— Да?
— Рука сегодня спокойная.
Он не сразу понял.
Потом понял.
— Совсем?
— Почти.
— Хорошо.
— Не делай из этого вывод.
— Уже не делаю.
— Врёшь.
— Немного.
Мира тихо рассмеялась.
Очень коротко.
— Позвонишь потом?
— Да.
— Не сразу.
— Почему?
— Хочу поесть до следующей катастрофы.
— Разумная стратегия.
— Передай Томасу.
— Он не поверит.
Связь оборвалась.
Александр ещё несколько секунд держал телефон.
Обычный разговор.
О еде.
О руке.
О том, кто кому позвонит.
Ему вдруг стало легче.
Ненадолго.
Из лаборатории позвал Питер.
— Александр.
Он вернулся.

На столе лежала новая папка.
Не новая по возрасту.
Новая для них.
Картон размяк по краям, металлический зажим потемнел.
— Нашли журнал? — спросил Александр.
— Нет, — сказала Елена.
Питер переворачивал страницы.
— Это реестр переупаковки.
На одной странице стояло:

М4-1178

Ниже:

перенесено из транспортной тары в бескислотную упаковку.

Дата.

Подпись.

— Вот, — сказал Ланской. — Значит, старая упаковка существовала.

— Существовала какая-то, — сказала Елена.

— Можно найти номер.

— Здесь его нет.

Питер провёл пальцем вдоль строки.

— Странно.

— Что?

— Обычно указывается исходная тара.

— Обычно?

Он кивнул.

Перелистнул страницу назад.

У каждой строки было два номера.

Новый.

Старый.

Перелистнул вперёд.

То же самое.

Только М4-1178 существовал как будто без прошлого.

Ланской сказал:

— Ошибка.

— Может быть, — ответила Елена.

Питер взял другую папку. Ещё одну. Проверил цифровую систему. Ничего.

— В две тысячи четвёртом была ревизия, — сказал он. — Много документов переносили.

— Потеряли строку, — сказал Александр.

— Вполне.

Елена кивнула.

— Это нормальное объяснение.

Питер облегчённо выдохнул. И тут зазвонил его телефон. Он посмотрел на экран.

— Из фотолаборатории.

Отошёл.

Ланской спросил:

— Вы действительно считаете нормальным потерять происхождение музейного предмета?

— Я считаю возможным.

— Это другое слово.

— Да.

Александр подошёл к коробке.

На боковой этикетке всё ещё стояло:

СЕВЕРНОЕ МОРЕ / ФЛИССИНГЕН

— Если это порт передачи, а не место подъёма...

— Тогда географическая привязка исчезает, — закончила Елена.

— Полностью?

— Почти.

— То есть предмет мог быть поднят где угодно?

— В пределах партии.

— Каких размеров?

— Пока не знаем.

Ланской спросил:

— Но из Северного моря?

— Возможно.
Он засмеялся.
Не громко.
— Я начинаю ненавидеть это слово.
— Хороший признак.
Питер вернулся.
Лицо изменилось.
— Нашли старый снимок.
Елена сразу перестала улыбаться.
— Какой?
— Плёнка с номером партии.
— До переупаковки?
— По журналу — да.
Он положил телефон на стол.
Фотография была чёрно-белой.
Несколько предметов лежали рядом на деревянной поверхности.
В углу — карточка **К-31**.
Тёмный фрагмент тоже был.
Без серой современной коробки.
Без бескислотной бумаги.
Без координат.
Елена увеличила.
— Это он?
Питер кивнул.
— Похоже.
— Не «похоже». Сравнить повреждения.
Они открыли современный снимок.
Выступ.
Небольшая трещина.
Три светлых пятна.
Совпали.
Тот же предмет.
Ланской тихо сказал:
— Значит, хотя бы это установили.
Елена кивнула.
— Да.
Это была первая твёрдая вещь за несколько часов.
Предмет действительно существовал до современной упаковки.
Не появился из поздней записи.
Не был подменён.
Не был выдуман каталогом.
Александр почувствовал неожиданное облегчение.
Маленький ответ.
Пусть ничего не объяснял.
Но ответ.
— Тогда остаётся узнать, откуда партия, — сказал он.
Питер уже листал журнал.
— Номер плёнки должен привести к рейсу.
Не привёл.

Под тем же номером в архиве значилась съёмка реставрации деревянной мебели.

Питер проверил дважды.

Потом третий раз.

— Номер неправильный.

Елена посмотрела на фотографию.

— Или конверт использовали повторно.

— Так не делали.

— Никогда?

Питер не ответил.

— Значит, не знаем, — сказала она.

Облегчение исчезло.

Но не полностью.

Александр всё ещё держался за одно:

предмет существовал.

Хотя бы это.

Они закончили ближе к вечеру.

Елена запретила сканировать предмет.

Разрешила только фотографии в существующем положении.

Не ради аномалии.

Ради старых следов износа.

Любой новый контакт мог оставить на поверхности ещё одну царапину, которая через двадцать лет станет «древним признаком».

Ланской спорил меньше.

Не потому что согласился.

Устал.

Перед выходом Питер спросил:

— Что писать в карточке?

Елена застёгнула куртку.

— Пока ничего.

— Оставить «предположительно наконечник»?

Она задумалась.

— Оставить как историю классификации.

— А текущую?

— «Обработанный органический фрагмент. Материал и функция требуют проверки.

Место подъёма не установлено».

Питер скривился.

— Звучит так, будто мы ничего о нём не знаем.

— Теперь знаете больше.

— Что?

— Где заканчивается знание.

Он посмотрел на неё.

Потом записал.

На улице было холоднее.

Дождь не вернулся.

Парковка почти опустела.

Ланской остановился возле своей машины.

— Я еду в Роттердам.

Елена спросила:

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что предмет исключён из расчёта правильно.

— Йона справится.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Ланской посмотрел на неё.

— Потому что проект всё ещё мой.

Елена покачала головой.

— Вот это как раз худшее основание из всех сегодняшних.

Он улыбнулся.

— Зато честное.

Сел в машину.

Уехал.

Александр остался возле универсала Елены.

Она не спешила открывать дверь.

Смотрела на тёмные окна хранилища.

— Вы были правы, — сказал он.

— В чём?

— Контекст важнее вещи.

Елена повернулась.

— Нет.

— Но вы весь день...

— Я сказала не это.

Она положила ключи в карман.

— Вещь важна сама по себе. Контекст не делает её настоящей.

— Тогда?

— Контекст определяет, какие вопросы мы имеем право ей задавать.

Александр посмотрел на здание.

— А без него?

— Можно спрашивать о материале. Следы обработки. Возрасте, если есть образец.

Состоянии поверхности.

— Но не о людях.

— Можно.

— И?

— Только осторожнее.

Она открыла машину.

Телефон завибрировал.

Елена посмотрела.

Питер.

Новое сообщение.

Она открыла фотографию.

Замерла.

Александр сразу понял.

— Что?

Елена не ответила.

Развернула экран.

На фотографии была серая коробка **М4-1178**.

Та самая, которую они несколько часов снимали со всех сторон.

Этикетка на боковой стенке немного отошла.
Совсем чуть-чуть.
Старый клей перестал держать нижний край.
Под бумагой виднелась тонкая бурая запись.
Питер не снимал этикетку.
Только подсветил сбоку и положил рядом масштабную линейку.
Цифры читались полностью. Две группы. С десятичными долями. Александр сразу узнал формат.

— Координата.

— Похоже.

— Она была там утром?

— Мы не могли видеть.

Елена увеличила фотографию.

Картон под этикеткой был светлее окружающей поверхности.

Запись находилась именно на этом светлом участке.

То есть цифры нанесли до того, как наклейка закрыла их.

Давно.

Не несколько минут назад.

Не во время их осмотра.

— Коробка из девяностых, — сказал Александр.

— Да.

— Предмет попал в неё позже?

— По документам — да.

— Значит, координата могла относиться вообще не к нему.

— Да.

Телефон снова завибрировал.

Питер прислал второе сообщение.

Проверил, не адрес ли старого склада. Нет.

Следом:

Точка в Северном море.

Александр почувствовал, как большой палец правой руки нашёл край ногтя.

Он не убрал его.

— Где?

Елена читала следующее сообщение. Лицо оставалось спокойным. Только пальцы сильнее сжали телефон.

— Внутри участка, где у «Палимпсеста» нет исходных данных.

Александр посмотрел на неё.

— На линии русла?

— Не знаю.

— Проверим?

Елена погасила экран.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Питер не видел русло.

— Тем лучше.

— Именно.

Она убрала телефон.

— Если сейчас наложим точку на модель, мы потеряем последнее независимое наблюдение.

Александр посмотрел на закрытые двери фонда.
Где-то внутри стояла серая коробка.
Обычная музейная тара.
Сделанная десятилетия спустя после того, как неизвестный предмет подняли со дна.
Коробка не знала древних берегов.
Не могла помнить исчезнувшую реку.
Не имела никакого отношения к людям, которые когда-то ходили по земле, теперь скрытой под Северным морем.
И всё же под старой этикеткой были записаны координаты.
Точки внутри места, которое модель не могла восстановить.
Слишком поздняя запись.
На слишком новом носителе.
В слишком правильном месте.

Глава 5

Слепая сборка

Коробка пахла пылью и старым картоном.

Александр ожидал чего угодно другого.

Соли.

Консерванта.

Мокрого дерева.

После часа разговоров о координатах, морском дне и исчезнувшем контексте серый ящик с номером **М4-1178** должен был хотя бы выглядеть важным.

Он не выглядел.

Обычная музейная коробка.

Немного продавленная сверху. На углу — белый след от удара. На боковой стенке — выцветшая этикетка, приклеенная неровно, будто человек торопился закончить работу перед обедом.

Нижний край бумаги отошёл от картона.

Под ним темнели цифры.

Елена не позволила никому приблизиться.

— Свет сбоку.

Питер принёс небольшую лампу и поставил её возле шкафа.

— Так?

— Ниже.

Он опустил.

— Ещё.

Луч лёг почти вдоль поверхности.

Этикетка отбросила тонкую тень.

Картон под ней оказался заметно светлее — столько лет его закрывала бумага.

Бурые цифры находились именно там.

Не на пыли.

Не возле края.

Под этикеткой.

Александр различал только часть.

Широта.

Долгота.

Те самые числа, которые Елена назвала ему в машине.

Точка внутри белого пятна на карте.

Там, где у «Палимпсеста» не было данных, но всё равно появилась река.

— Можно сфотографировать? — спросил Питер.

— Она уже сфотографирована.

— Телефоном. Для фонда этого недостаточно.

— Тогда снимите всю коробку.

— Мне нужна сама надпись.

— Нет.

Питер снял очки.

Ему было около шестидесяти. Седые волосы коротко подстрижены, рубашка застёгнута до верхней пуговицы, на груди пластиковая карточка сотрудника, которую он всякий раз машинально поправлял, когда нервничал.

— Вы просите меня не документировать изменение состояния предмета.

— Коробки, — сказала Елена.

— Сейчас коробка тоже часть объекта.

— Именно поэтому не превращайте одну деталь в отдельное доказательство.

Питер посмотрел на Александра, будто надеялся найти более сговорчивого человека.

— Вы понимаете, о чём она говорит?

— Да.

— И вам это кажется нормальным?

Александр посмотрел на цифры.

— Нет.

Питер слегка расслабился.

— Спасибо.

— Но делать крупный снимок всё равно не надо.

— Почему?

— Потому что через час у нас будет фотография координаты без коробки. Через день — координата без этикетки. Через неделю кто-нибудь вставит её в карту и забудет, что она появилась на современном картоне под современной музейной наклейкой.

Питер нахмурился.

— Вы думаете, люди настолько плохо работают?

— Думаю, люди любят понятные вещи.

Елена взглянула на него.

— Особенно когда непонятных становится слишком много.

Питер снова надел очки.

— Хорошо. Общий кадр.

— С того же ракурса, что при приёмке, — сказала Елена.

— Откуда вы знаете ракурс?

— Вы сказали, что были фотографии.

— Я сказал, что должны быть.

— Значит, сначала найдём их.

Питер тяжело выдохнул.

— Тогда коробку оставляем так?

— Да.

— Клей продолжит отходить.

— Пусть.

— Для реставратора это преступление.

— Для археолога — слой.

Он покачал головой.

— Картон девяностых годов — слой?

Елена впервые улыбнулась.

Совсем немного.

— Если на нём лежит единственная известная нам граница между «до» и «после» — да.

Архив фотографий находился этажом ниже.

Питер шёл впереди, ворча себе под нос на старую систему каталогов.

В коридоре пахло кофе.

Кто-то оставил на подоконнике бумажный стаканчик с нарисованным маркером лицом — два глаза и кривой рот. Рядом лежал недоеденный батончик.

После стерильной комнаты с коробкой эта мелочь показалась Александру почти вызывающе живой.

Он достал телефон.

От Миры было сообщение.

Ты уже там?

Александр набрал:

Да. Нашли координату под этикеткой. Пока непонятно, когда она появилась.

Не отправил.

Стер.

Написал:

Да. Проверяем происхождение упаковки.

Отправил.

Ответ пришёл быстро.

То есть нашли что-то интересное.

Александр усмехнулся.

К сожалению, ты меня хорошо знаешь.

Три точки появились почти сразу.

Потом исчезли.

Через несколько секунд:

Не слишком хорошо. Мы над этим работали.

Он прочитал дважды. Убрал телефон. Елена остановилась возле двери архива.

— Всё нормально?

— Да.

— Тогда почему улыбаешься?

— Не знал, что это подозрительно.

— В нашем проекте — пока нет. Пользуйся.

Питер уже открывал тяжёлую дверь.

— Если вы закончили личную жизнь, у нас здесь примерно восемнадцать тысяч негативов.

— Вот теперь настроение испорчено, — сказал Александр.

Питер впервые рассмеялся.

Нужный конверт оказался пустым.

На нём стоял номер съёмки.

Дата.

Фамилия фотографа.

И четыре кадра в перечне.

Самой плёнки не было.

— Великолепно, — сказал Александр.

Питер сделал вид, что не услышал. Открыл соседний ящик. Потом ещё один.

— Могли переложить.

— Зачем? — спросила Елена.

— После оцифровки часть негативов меняли местами. Старые конверты кислотные. Иногда плёнку переносили, а подпись оставалась.

— Новый номер фиксировали?

— Должны были.

Елена ничего не сказала.

Питер посмотрел на неё.

— Да, понимаю.

— Хорошо.

— Вы можете не получать от этого удовольствие?

— Не получаю.

— По лицу не видно.

— У меня такое лицо.

Александр отошёл к окну.

Во внутреннем дворе работник склада катил тележку с пластиковыми контейнерами.

Колесо заедало на одном месте.

Каждый оборот — короткий рывок.

Александр заметил повтор.

И почти сразу перестал слушать.

Борнхольм научил его бояться закономерностей.

Последующие месяцы — не делать страх методом.

Телефон завибрировал.

Теперь Томас.

Что нашли?

Александр показал экран Елене.

— Отвечать?

— Ты спрашиваешь разрешения?

— Проверяю границы.

— Это хуже.

— Почему?

— Потому что теперь я отвечаю за твоё решение.

Александр убрал телефон.

Написал:

Координата физически существует. Возраст записи неизвестен. Архивное фото пока не найдено.

Томас позвонил сразу. Александр отклонил. Через несколько секунд пришло:

Не вводить в модель.

Он показал Елене.

— С этим согласна?

— Да.

— Тогда хоть одно решение сегодня простое.

— Не привыкай.

Из дальнего ряда слышалось:

— Нашёл.

Питер стоял между шкафами и держал прозрачный пластиковый рукав.

Внутри лежала полоска плёнки.

— Номер другой, — сказал он. — Но стол наш.

Они подошли.

На маленьких кадрах почти ничего нельзя было разобрать без увеличения.

Коробка.

Этикетка.

Открытая крышка.

Предмет на белом фоне.

Питер включил световой стол.

Разложил негатив.

— Можно сканировать?

— Нет, — сказала Елена.

Он посмотрел на неё без надежды.

— Лупу?

— Лупу.

На втором кадре коробка была снята сбоку.

Этикетка **М4-1178** прилегала к картону полностью.

Никакой щели.

Никаких цифр.

Но и места под бумагой не было видно.

Александр смотрел дольше остальных.

— Это ничего не доказывает.

— Доказывает, что край не отходил, — сказала Елена.

— Только это.

— Только это.

Питер провёл ладонью по лицу.

— Значит, координата могла быть там с самого начала.

— Могла.

— И могла появиться позже.

— Могла.

— Полезная работа.

Елена повернулась к нему.

— Очень.

— Мы за час выяснили, что возможны оба варианта.

— Нет. Мы выяснили, что фотография не подтверждает удобный нам вариант.

— Какой именно удобный?

— Любой.

Питер хотел ответить, но промолчал.

Александр посмотрел на третий кадр.

Коробка была открыта.

Внутри лежал свёрнутый материал.

— Что это?

Питер придвинул лупу.

— Упаковочная бумага.

— Сохранилась?

— Вряд ли.

— Почему?

— Это транспортная упаковка.

Елена взяла журнал приёмки.

Перелистнула несколько страниц.

Остановилась.

— Здесь написано: «перенесено из транспортной тары в бескислотную упаковку».

— Нормальная процедура.

— Эта коробка бескислотная?

Питер посмотрел на снимок.

— Нет.

— Значит, была другая?

— Возможно.

— Где запись?

Он взял журнал. Прочитал. Перевернул страницу. Ещё одну.
— Нет.
— Что лежало в транспортной таре?
— Находка.
— Какая?
— М4-1178.
— Это номер уже музейный?
— Да.
— А до присвоения?
Питер снова начал листать.
— Вот.
Он указал строку.
Короткий код поступления.
Рядом — описание.
Питер прочитал молча.
Потом ещё раз.
— Что? — спросил Александр.
Питер не ответил.
Елена вытянула руку.
— Дайте.
Он передал журнал.
Она прочитала.
— «Каменный рыболовный груз. Остатки растительного волокна».
Александр посмотрел на фотографию предмета.
На белом фоне лежала деревянная рамка.
— Это другой объект.
— Судя по описанию — да, — сказала Елена.
— Но номер тот же.
— Да.
Питер уже открыл второй каталог.
— Такое случалось.
— Насколько часто? — спросил Александр.
— Старые номера переносили. Ошибались при переписи. Иногда предмет раскалывался на несколько единиц. Иногда наоборот — несколько фрагментов объединяли.
— Почему?
— Потому что музей — это люди.
— Убедительный аргумент.
— Лучшего нет.
Елена смотрела на строку.
— Где карточка рыболовного груза?
— Если не уничтожена при переносе — в бумажном архиве поступлений.
— Ищем.
Питер посмотрел на часы.
— Архив закрывается через двадцать минут.
— Тогда у нас есть двадцать минут.
— Вы когда-нибудь работали с музейным архивом?
— Да.
— Тогда должны понимать, насколько смешно это прозвучало.

Через двадцать минут они нашли не одну карточку.

Три. Первая называла М4-1178 каменным грузом. Вторая — деревянной рамкой неизвестного назначения.

Третья — «составным предметом», где перечислялись дерево, минеральный компонент и остатки растительного материала.

Все три имели один номер. Разные даты. Разные почерки. Разные системы описания.

И ни одна не объясняла, когда один предмет превратился в другой.

Питер разложил карточки по столу.

— Вот почему я ненавижу старые коллекции.

Елена посмотрела на него.

— А я поэтому их люблю.

— Конечно.

— Здесь видно, как знание менялось.

— Здесь видно, как люди плохо заполняли бумаги.

— Это тоже изменение знания.

Александр взял фотографию рамки.

— Камень сохранился?

— В коробке есть минеральный фрагмент, — сказал Питер.

— Вы говорили, что там рамка.

— Я сказал, что основной предмет — рамка.

— Волокно?

— Не помню.

— Вы открывали коробку?

— Несколько лет назад.

— Что было внутри?

Питер задумался.

— Рамка. Пакет с осадком. Маленький камень.

— Волокно?

— Возможно.

— Это слово сегодня слишком популярно.

— Я действительно не помню.

Елена собрала карточки.

— Не надо вспоминать.

— Что?

— Не восстанавливайте сейчас содержимое коробки по этим описаниям.

— Но я её видел.

— Тогда скажите только то, в чём уверены.

Питер раздражённо поправил карточку.

— Я уверен, что там была деревянная рамка.

— Хорошо.

— Камень — скорее всего.

— Нет.

— Я его помню.

— Тогда «камень».

— Волокно не помню.

— Отлично.

— Что в этом отличного?

— Теперь у нас два факта и один пробел вместо трёх удобных фактов.

Александр подумал о белом участке на карте.

Там тоже не хватало данных.

И именно там модель нарисовала самое убедительное русло.

— Томас будет счастлив, — сказал он.

Елена посмотрела на него.

— Почему?

— Ему нравятся пробелы.

— Нет. Он их боится.

— Поэтому и любит.

Питер собрал негативы.

— Всё? Можем наконец открыть коробку?

Елена посмотрела на него.

Потом на карточки.

— Теперь можем.

Коробку открывали в другой комнате. Питер надел перчатки. Елена попросила Александра остаться у стены.

— Почему?

— Потому что ты знаешь координату и видел модель.

— Ты тоже.

— Я не видела русло.

— Тебе его описали.

— Недостаточно.

— То есть наше незнание теперь измеряется степенью испорченности?

— Примерно.

— Очень научно.

— Зато честно.

Питер снял крышку.

Внутри лежали четыре пакета.

Деревянная рамка.

Небольшой тёмный камень.

Песок.

И тонкий свёрток растительных волокон.

Никто ничего не сказал.

Питер первым нарушил молчание.

— Хорошо.

Елена посмотрела на него.

— Что хорошо?

— Я не придумал камень.

Александр не удержался:

— Поздравляю.

— Спасибо.

Питер поднял пакет с волокном.

— И верёвка.

— Волокно, — поправила Елена.

— Похоже на остаток шнура.

— Похоже.

— Вы со всеми так разговариваете?

— Только с теми, кто быстро даёт предметам имена.

— Поэтому вы археолог?

— Поэтому я до сих пор археолог.
Она подвинула карточки ближе.
Не к предметам.
На отдельный край стола.
— Теперь у нас проблема, — сказал Александр.
Питер посмотрел на четыре пакета.
— По-моему, наоборот. Всё нашлось.
— Нашлись компоненты.
— Какая разница?
Елена ответила:
— Большая.
Она указала на первую карточку.
— Здесь камень и волокно — один предмет.
На вторую.
— Здесь рамка — отдельный предмет.
На третью.
— Здесь всё вместе называется составной конструкцией.
Питер пожал плечами.
— Значит, позже уточнили описание.
— На основании чего?
— Осмотра.
— Есть отчёт?
— Не знаю.
— Фотография сборки?
— Нет.
— Схема взаимного положения?
— Нет.
— Следы крепления?
Питер посмотрел на рамку.
— Возможно.
Елена покачала головой.
— Не сейчас.
Александр подошёл на шаг ближе.
— То есть у нас четыре физических вещи и три архивные истории о том, что они такое.
— Да.
— Можно установить правильную?
— Возможно.
Питер усмехнулся.
Елена посмотрела на него.
— Иногда это слово действительно нужно.
Телефон Александра завибрировал.
Мира.
Он ответил.
— Да.
— Ты занят?
— Смотря для чего.
— Хороший ответ.
На фоне её голоса слышалась работа принтера.
— Что у вас?

Александр посмотрел на Елену.

Та не остановила.

— Один музейный номер. Четыре физических компонента. Три старые классификации.

— И координата?

— На коробке.

Пауза.

— Вы уже решили, что это один предмет?

— Нет.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Елена сказала бы то же.

— Поэтому я ей позвонила первой, а не тебе.

— Спасибо.

— Не обижайся.

— Поздно.

Мира помолчала.

— У нас здесь кое-что происходит.

Улыбка исчезла.

— Что?

— Йона подняла старые карточки по номеру М4-1178.

Александр посмотрел на стол.

— Как?

— Ты отправил номер Томасу.

— Да.

— Томас — Йоне.

— Это было до того, как мы нашли три описания.

— Теперь она видит их все.

— И?

Мира не ответила сразу.

— «Палимпсест» пытается свести их в одну запись.

Александр закрыл глаза.

— Его запускали?

— Не реконструкцию берега. Только каталог.

— Разницы может не быть.

— Я знаю.

Елена уже смотрела на него.

— Что случилось?

Александр включил громкую связь. Мира повторила. Питер медленно снял перчатки.

— Что значит «свести»?

Из телефона донёсся голос Йоны.

Мира, видимо, передала трубку.

— Обычная дедупликация.

— Простыми словами, — сказал Александр.

Йона помолчала.

— Система думает, что три карточки описывают одну музейную единицу, и пытается собрать общую запись.

— На основании номера?

— Не только. Размеры частично совпадают. Район поступления один. Масса в пределах допустимого расхождения, если учитывать комплект.

— «Если учитывать комплект» уже предположение.

— Не моё. Правило каталога.

— Останови.

— Я остановила автоматическое сохранение.

— Не расчёт?

— Каталогизация не расчёт берега.

— Йона.

— Процесс работает на копии.

Елена подошла к телефону.

— Какие поля уже объединены?

— Идентификатор.

— Ещё.

— Район поступления.

— Он известен?

— Северный сектор.

Елена закрыла глаза.

— Это не район. Это полморя.

Йона пропустила замечание.

— Материал пока хранится несколькими значениями. Массы тоже. Размеры рамки отдельно.

— Текст?

Пауза.

— Йона?

— Сведён.

— Прочитай.

— Не думаю, что это полезно.

— Именно поэтому прочитай.

В динамике послышался щелчок клавиатуры.

— «Фрагмент составной деревянно-органической конструкции с минеральным наполнением или отложениями. Назначение не установлено».

Питер побледнел.

— Нет.

Елена посмотрела на него.

— Что именно?

— Так нельзя.

— Почему?

— Потому что эта формулировка делает вид, что кто-то видел всё вместе.

Йона услышала.

— Система не утверждает, что предмет был собран.

— Слово «конструкция» утверждает.

— Это термин общего класса.

— Для компьютера.

Питер ткнул пальцем в деревянную рамку.

— В старой карточке дерево вообще было отдельным объектом.

Потом в пакет с волокном.

— Это относилось к камню.

В пакет с песком.

— А это появилось позже, потому что никто не хотел выбрасывать осадок из коробки.

Елена резко посмотрела на него.

— Откуда знаете?

— Потому что так раньше делали.

— С этой коробкой?

— Не знаю.

— Тогда не добавляйте четвертую историю.

Питер убрал руку.

Йона сказала:

— Я могу вернуть записи к исходному состоянию.

— Сделай, — сказал Александр.

Ланской ответил вместо неё:

— Подождите.

Его голос был дальше от микрофона.

— Почему? — спросил Томас.

Теперь в разговоре были почти все.

Александр почувствовал знакомое раздражение.

Люди снова собирались в одну комнату, хотя находились в разных городах.

Только на этот раз стеной был телефон.

Ланской говорил спокойно:

— Потому что мы впервые получили проверяемую проблему, а не странное изображение на экране.

— Проблему каталогизации? — спросила Елена.

— Да.

— Это не оправдывает объединение.

— Я не говорю, что объединение правильное.

— Тогда что?

— Нужно понять, почему система считает его допустимым.

Томас сказал:

— Потому что мы дали ей одинаковый номер.

— Этого недостаточно.

Йона подтвердила:

— Недостаточно.

— Тогда какие ещё связи?

— Частично совпадающие описания. Общий период поступления. Пересекающиеся размеры. Сходная масса комплекта. Один район.

— И наше внимание, — сказал Александр.

Ланской раздражённо выдохнул.

— Опять.

— Что «опять»?

— Вы каждый раз добавляете человека как необъявленный параметр, когда не хватает технического объяснения.

— Потому что девять месяцев назад человек оказался параметром.

— В другом явлении.

— Мы не знаем, другое ли оно.

— Именно. Не знаем.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Ланской добавил:

— И поэтому я не хочу, чтобы мы уничтожали данные только потому, что они напоминают прошлый опыт.

Александр посмотрел на четыре пакета.

Ланской был прав.

Это раздражало сильнее, чем ошибка.

Елена спросила:

— Что предлагаете?

— Не объединять записи окончательно. Не удалять результат. Сохранить обе версии: исходные карточки и временную сборку.

— И не использовать временную сборку как входные данные, — сказал Томас.

— Согласен.

Томас замолчал.

Александр почти увидел его лицо.

— Полностью? — спросил Томас.

— Пока не установим происхождение связей.

— Ты быстро учишься.

— Я просто предпочитаю точные ограничения.

— Иногда это одно и то же.

Йона сказала:

— Тогда я сохраняю четыре ветви.

— Три карточки, — поправила Елена.

— Плюс сводная.

— Сводная не ветвь. Она производная.

— Для архитектуры это состояние.

— Для археолога — гипотеза.

Ланской сказал:

— Прекрасно. Подпишите обеими формулировками.

Йона коротко рассмеялась.

— Это худшее техническое задание, которое я получала за год.

— Значит, запомнится.

Они вернулись в «Палимпсест» вечером.

Дождь усилился.

Мира ждала у входа.

Не побежала к Александру.

Он тоже не ускорил шаг.

Они встретились под навесом.

— Как прошло независимое наблюдение? — спросила она.

— Мы собрали конференцию из двух городов и пяти человек.

— Успешно.

— Полностью провалили принцип.

— Зато честно.

Она посмотрела на него.

— Ты не написал координату.

— Нет.

— Хотел?

— Да.

— Почему не написал?

Александр подумал.

— Потому что хотел написать тебе.

Мира кивнула.

— Это не одно и то же.

— Знаю.
— Хорошо.
Он посмотрел на её правую руку.
— Песок?
— Иногда.
— Сейчас?
— Нет.
И больше не спросил.
Они вошли.

Йона устроила временный каталог на четырёх отдельных машинах.
Не виртуальных окнах.
Физически разных ноутбуках.
Один содержал карточку каменного груза.
Второй — деревянной рамки.
Третий — составного объекта.
Четвёртый — сводную запись, которую система успела построить.
Но экран четвёртого был закрыт.

— Зачем сохранять то, чему мы не доверяем? — спросила Мира.
Йона сидела на полу между столами и раскладывала кабели.
— Потому что завтра мы можем решить, что оно было ошибкой.
— И?

— Я хочу знать, какая именно ошибка.
— Разве ошибку нельзя просто удалить?

Йона посмотрела на неё.
— Можно.

— Почему не хочешь?
— Потому что один раз уже удалила.

Мира ничего не сказала. Александр тоже. Йона продолжила подключать питание.

— Несколько лет назад я работала над системой распределения воды. Модель выдала маршрут, который не соответствовал инженерному плану. Я решила, что это мусор после промежуточного пересчёта. Удалила состояние, перезапустила.

Она вставила кабель.
На первом ноутбуке загорелся индикатор зарядки.

— Правильный расчёт потом нашли.
— Что произошло? — спросила Мира.
— Не сейчас.

Ответ прозвучал жёстче, чем требовалось.

Йона это поняла.
— Извините.

Мира покачала головой.

— Не надо.

Йона посмотрела на четвёртый закрытый экран.

— Просто с тех пор я не люблю, когда человек может переписать историю системы так, будто неправильного решения никогда не существовало.

Томас стоял у дальней стены.

— Иногда неправильное решение опасно именно тем, что сохранилось.

Йона посмотрела на него.
— Знаю.

— Тогда зачем оставлять?
— Потому что ты хочешь уничтожить его из страха.
— А ты сохраняешь из чувства вины.
— Возможно.
— Отличная основа для архитектуры безопасности.
— Лучше, чем делать вид, что у тебя мотивы чистые.
Ланской сидел возле окна с бумажным стаканом кофе.
— Удивительно приятный коллектив.
Никто не ответил.
Он сделал глоток.
Поморщился.
— И отвратительный кофе.
Мира тихо сказала Александру:
— Наконец-то факт, который можно считать установленным.
Он улыбнулся.
Томас услышал.
— Я бы всё равно запросил независимую экспертизу.
— Кофе? — спросила Мира.
— Особенно кофе.
На несколько секунд напряжение ушло.
Не исчезло.
Просто стало человеческим.
Йона закончила соединения.
— Готово.
На стене висела обычная белая доска.
Она написала четыре обозначения:
А
В
С
Х
— Без названий, — сказала она. — Чтобы сами подписи не подталкивали к смыслу.
— Как будем сравнивать? — спросил Александр.
— По одному признаку за раз.
— То есть опять собираем.
— Не историю. Совпадения.
Елена подошла к доске.
— Сначала только то, что существовало до проекта.
— Согласна.
— Никаких данных «Палимпсеста» о русле.
— Да.
— Координату с коробки не вводим.
— Да.
— Сенсомоторные ощущения Мира?
Йона посмотрела на неё.
— Не относятся к предмету.
— Мы не знаем.
Мира ответила сама:
— Не вводим.
Александр посмотрел на неё.

Она заметила.

— Что?

— Ничего.

— Ты хотел возразить.

— Хотел спросить.

— Это уже лучше.

— Почему?

— Потому что ощущение песка пока моё наблюдение. Оно не должно становиться свойством предмета только потому, что удобно объясняет пробел.

Елена кивнула.

— Именно.

Ланской поставил кофе на подоконник.

— Хорошо. Что остаётся?

Йона повернулась к первому ноутбуку.

— Физические размеры.

На доске появились цифры. Рамка и составной объект совпадали. Каменный груз — нет.

— Материал.

Дерево встречалось в двух карточках.

Камень — тоже в двух.

Волокно — в первой и третьей.

Песок не фигурировал ни в одной старой записи.

— Масса.

Разные значения.

Но если сложить отдельные компоненты, получалось число близкое к массе, указанной в карточке составного объекта.

— Это интересно, — сказал Ланской.

— Это арифметика, — ответила Елена.

— Арифметика иногда интересна.

— Особенно если заранее знаешь, какие числа складывать.

Йона не спорила.

Записала соответствие.

— Район подъёма.

Во всех карточках:

Северный сектор.

Мира посмотрела на карту на соседнем столе.

— Что такое Северный сектор?

Йона открыла старую схему. Пятно занимало огромную часть моря. Мира тихо присвистнула.

— Очень точный контекст.

Питер, приехавший вместе с ними, развёл руками.

— Рыболовный трал. Девяностые годы.

— То есть предмет мог быть поднят где угодно внутри этого?

— Примерно.

— Размером с небольшую область суши?

— Да.

— Великолепно.

— Не надо издеваться. Тогда это считалось удачей, если капитан вообще соглашался указать квадрат.

Мира посмотрела на него.

— Я не издеваюсь.
— Звучит именно так.
— Я злюсь.
Питер смутился.
Она продолжила:
— Предмет пережил тысячи лет. Потом попал в сеть. Потом в коробку. А от места, где он лежал, осталось слово «северный».
Елена ничего не сказала.
Но посмотрела на Миру внимательнее.
Александр понял почему.
Это было не научное раздражение.
Для Миры потеря контекста всегда звучала почти как потеря имени.
Йона перешла к следующему признаку.
— Форма.
Система предлагала общий набор характеристик:
деревянный прямоугольный элемент;
минеральный груз;
гибкое волокно;
осадок.
— Это уже конструкция, — сказал Ланской.
— Нет, — ответили одновременно Елена и Мира.
Они посмотрели друг на друга.
Питер усмехнулся.
— Хотя в чём-то система объединяет людей.
Томас не улыбнулся.
— Не называйте это объединением.
Питер поднял руки.
— Хорошо.
Йона увеличила изображения.
— Если не предполагать функцию, физически компоненты совместимы.
Елена подошла ближе.
— Что значит «совместимы»?
— Размер камня позволяет поместить его внутрь рамки.
— Можно положить туда мой телефон.
— Волокно можно провести через выемку.
— Можно.
— След износа на дереве совпадает по ширине.
Елена замолчала.
— Покажи.
Йона вывела фотографию.
На краю рамки действительно была неглубокая выемка.
На старом снимке она выглядела случайной. Теперь рядом появилась фотография свёрнутого волокна. Толщина совпадала.
— Это уже интереснее, — сказала Елена.
Ланской посмотрел на неё.
— Арифметика закончилась?
— Пока нет.
— Что нужно?
— Исследование износа.

— Можно сделать сегодня?
— Можно испортить сегодня.
Питер кивнул.
— Поверхность законсервирована.
— Значит, сначала старые фотографии.
Йона открыла сводную запись.
Томас шагнул вперёд.
— Мы договаривались не использовать X.
— Я не использую как источник, — сказала она. — Хочу увидеть, какой признак модель считает общим.
— Это и есть использование.
— Томас.
— Нет.
Ланской встал.
— Стоп.
Комната замолчала.
Он подошёл к доске.
— Мы весь день пытаемся доказать, что три старые записи описывают один набор предметов.
Елена поправила:
— Устанавливаем, описывают ли.
— Хорошо. Устанавливаем. При этом физические компоненты лежат в одной коробке под одним номером.
— Сейчас.
— Да. Сейчас. Это факт?
— Да.
— Тогда почему мы не можем смотреть на сводную запись как на гипотезу?
— Можем, — сказала Елена. — Если не забываем, что она гипотеза.
Ланской посмотрел на Томаса.
— Устраивает?
— Нет.
— Почему?
— Потому что система уже однажды превратила отсутствие данных в русло.
— И мы это знаем.
— Знать недостаточно.
— Тогда что предлагаешь? Никогда больше не позволять программе строить гипотезы?
— В областях, где результат способен изменить исходные данные, — да.
Йона медленно повернулась.
— Изменить?
— Это то, что мы проверяем.
— Пока ничего не изменилось.
— Линия на проекции.
— Не доказано.
— Координата под этикеткой.
— Её возраст неизвестен.
— Именно.
Ланской посмотрел на обоих.
— Отлично. Значит, у нас есть спор, который можно решить наблюдением.
Он указал на четвёртый ноутбук.

— Открывайте.
Томас хотел возразить.
Александр сказал:
— Я согласен.
Все посмотрели на него.
— Почему? — спросила Мира.
— Потому что иначе мы будем бояться каждого результата ещё до того, как он что-нибудь сделал.

Томас усмехнулся без радости.
— Тебе мало первого раза?
— Наоборот.
Александр посмотрел на него.
— Мне хватило первого раза, чтобы не путать осторожность с запретом.
Томас замер.
Большой палец остановился на шве брюк.
Александр сразу пожалел о тоне.
Не о смысле.
Мира это заметила.
Но вмешиваться не стала.
Йона открыла экран Х.
Сводная карточка выглядела скучно.
Никаких карт.
Никаких линий.
Обычная музейная форма.

M4-1178

Ниже:

Фрагмент составной деревянно-органической конструкции с минеральным компонентом. Назначение не установлено.

Елена прочитала.
— Уберите «составной».
Йона нажала клавишу.
Слово исчезло.
— Теперь?
— Уберите «конструкция».
Исчезло.
Осталось:

Деревянный элемент, минеральный компонент, растительное волокно, осадок.
Назначение не установлено.

Елена кивнула.
— Вот это допустимо.
Ланской пожал плечами.
— Мы потратили день, чтобы составить список содержимого коробки.
— Иногда наука именно так и выглядит.
— Теперь понимаю, почему у неё проблемы с финансированием.
Питер фыркнул.
Мира улыбнулась.
Даже Томас немного расслабился.
Йона закрыла сводную карточку.
— Тогда сохраняем как нейтральную инвентаризацию.

— Нет, — сказала Елена.

— Почему?

— Потому что список создаёт связь.

— Предметы уже лежат вместе.

— Административно.

Александр посмотрел на Томаса.

Тот заметил.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо сказало.

— У меня такое лицо.

Елена взглянула на него.

— Украл.

— Мне понравилось.

Йона вздохнула.

— Хорошо. Каждая карточка остаётся отдельной. Нейтральный список — только локально.

Она нажала «печать».

Томас резко повернулся.

— Зачем?

— На экране мы снова зависим от одного интерфейса. Хочу бумажные версии.

— Четыре принтера?

— Четыре задания. Разные очереди.

— Йона.

— Это безопаснее общего файла.

Он не успел ответить.

Из соседней комнаты донёсся звук принтера.

Потом второй.

Ещё один дальше по коридору.

Не одновременно.

Листы выходили в разных помещениях.

Каждый — со своей карточкой.

Йона поднялась.

— Забираем по одному.

— Кто? — спросил Томас.

— Разные люди.

Ланской взял первую.

Питер — вторую.

Елена пошла за третьей.

Четвёртая осталась Александру.

Мира не получила ни одной.

— Почему я без бумаги? — спросила она.

— Ты единственная, у кого есть сенсомоторное наблюдение, — сказал Томас.

— Значит, меня исключили из документации.

— Временно.

— Какая забота.

Александр протянул ей свой лист.

Томас резко сказал:

— Нет.

Александр остановился.
Мира посмотрела на бумагу.
Потом на Томаса.
— Оставь.
— Почему?
— Потому что я хочу хотя бы один раз узнать, что происходит, не через твою руку.
Александр опустил лист.
— Хорошо.
Не обиделся.
И это тоже было новым.

Через несколько минут они снова собрались в аппаратной.
Четыре листа лежали на четырёх поверхностях.
Между ними — несколько метров.
Йона сравнивала бумажные версии с исходными карточками на ноутбуках.
— Всё нормально, — сказала она. — Каждая ветвь сохранилась отдельно.
— А сводная? — спросил Ланской.
— Не печатала.
— Хорошо.
Томас стоял возле двери.
— На сегодня достаточно.
Елена согласилась.
— Коробка остаётся закрытой до исследования материалов.
— Координата?
— Не вводится.
— Модель?
Йона ответила:
— Остановлена.
Ланской надел пиджак. Одна запонка — чёрный квадрат. Вторая — светлый круг.
— Значит, расходится по домам.
Мира посмотрела на часы.
— Я бы сначала поела.
— Поддерживаю, — сказал Александр.
— Редкий случай.
— Запишем?
— Не надо ничего записывать.
Они уже собирались уходить, когда Питер позвал:
— Подождите.
Он стоял возле первого листа.
— Что? — спросила Елена.
— Это ваш?
— Какой?
— Карточка рамки.
— Да.
— А рядом чья?
На соседнем столе лежала карточка каменного груза.
Между столами было сантиметров сорок.
— Моя, — сказал Ланской.
— Вы их двигали?

— Нет.

— Кто-нибудь?

Никто не ответил.

Питер присел.

Не касаясь бумаги.

— Подойдите.

Елена подошла первой. Потом Александр. Мира осталась дальше. Томас — у двери.

Сначала Александр не понял, что именно показывает Питер.

Два листа лежали на разных столах.

Обычная офисная бумага.

Белая.

Одинакового формата.

Левый лист слегка свисал с края.

Правый — тоже.

Между столами оставался воздух.

Но внутренние края бумаги не заканчивались.

Белая поверхность продолжалась через промежуток.

Не мостом.

Не полосой.

Не вытянутым куском.

Просто лист больше не признавал расстояние между столами границей.

Александр обошёл сбоку.

Теперь было видно яснее.

Слева существовал один прямоугольник бумаги.

Справа — другой.

Под каждым — отдельный стол.

Но там, где должны были быть два края, поверхность шла непрерывно.

Через сорок сантиметров пустого пространства.

Он присел.

Снизу ничего не было.

Воздух.

Ножки столов.

Пол.

Сверху — белый лист.

Один.

Питер побледнел.

— Я этого не делал.

— Никто не говорит, что делали вы, — сказала Елена.

— Они были отдельными.

— Знаю.

Томас не подошёл.

— Не трогать.

Ланской смотрел на бумагу.

— Это оптический эффект?

Йона медленно приблизилась.

Остановилась в метре.

— Тогда мы должны видеть разрыв при смене угла.

Александр уже менял положение головы.

Разрыва не было.

— Тень? — спросил Ланской.

Елена включила фонарик телефона.

Провела лучом под листом.

Свет прошёл через пустой промежуток между столами.

Верхняя поверхность осталась непрерывной.

Мира подошла на шаг.

— Что напечатано в месте соединения?

Йона посмотрела сверху.

На левом листе заканчивалось описание каменного груза.

На правом начиналась карточка деревянной рамки.

Между текстами было пустое белое поле.

Ни одной новой буквы.

Ни линии.

Ни общего названия.

— Ничего, — сказала Йона.

Томас всё ещё стоял у двери.

— Именно.

Александр повернулся.

— Что?

— Она не объединила содержание.

Томас говорил тихо.

— Только носитель.

Никто не ответил.

На двух столах лежал один лист бумаги.

Разные описания.

Разные истории.

Разные предметы.

И больше никакой физической границы между ними.

Йона первой отвела взгляд.

— Слепая сборка.

Мира посмотрела на белое пространство между текстами.

— Чего?

Йона покачала головой.

— Ей всё равно.

Александр снова посмотрел снизу.

Там оставался воздух.

Сверху — непрерывная бумага.

Никакого общего русла.

Никакой правильной версии.

Только две несовместимые записи, которым больше не требовалось находиться на разных листах.

И впервые после Борнхольма Александр почувствовал страх не от того, что увидел невозможное.

А от того, насколько мало невозможному понадобилось изменить.

Глава 6

Вес отсутствующего слоя

Мира всё-таки нашла еду.

На первом этаже «Палимпсеста» стоял автомат с сэндвичами, который принимал банковскую карту через раз, и маленькая кухня, где кто-то оставил кастрюлю супа с запиской:

МОЖНО. НО ОСТАВЬТЕ ДРУГИМ.

— Наконец-то разумный документ, — сказала Мира.

Александр прочитал записку.

— Не указан автор.

— Не начинай.

— Я просто заметил.

— Именно это и называется «начинать».

Она налила себе половник.

Потом второй.

Александр взял сэндвич.

Хлеб оказался влажным с одного края и сухим с другого.

После дня, проведённого среди музейных карточек, исчезнувших границ и бумаги, которая решила перестать быть двумя листами, неправильный сэндвич почему-то успокаивал.

Он был плохим совершенно обычным способом.

Мира села напротив.

Несколько секунд они ели молча.

— Вкусно? — спросил Александр.

— Нет.

— Тогда зачем второй половник?

— Я голодная.

— Убедительно.

— Попробуй когда-нибудь.

Он посмотрел на неё.

— Есть?

— Быть голодным.

— Я регулярно.

— Ты регулярно замечаешь, что не ел, когда начинает болеть голова. Это другое.

Александр откусил ещё.

Мира действительно была уставшей. Не испуганной — пока нет. Под глазами залегли тени, волосы снова выбились из-за уха, а правую руку она держала возле миски так, словно всё ещё не была уверена, что именно почувствует, если коснётся стола.

Он заметил.

Не спросил.

Мира тоже заметила, что он не спросил.

— Молодец, — сказала она.

— За что?

— Именно.

Дверь открылась.

Йона стояла на пороге.

Куртку она так и не надела. В руке — телефон, экраном вниз.

— Нужно вернуться.
Мира посмотрела на суп.
— Насколько срочно?
Йона задумалась.
— Он никуда не уходит.
— Тогда я доем.
Йона кивнула.
Не торопила.
Александр поднялся.
Мира посмотрела на него.
— Сядь.
— Я закончил.
— Ты съел половину.
— Этого достаточно.
— Нет.
— Мира.
— Если через десять минут понадобится принимать решение, я хочу, чтобы ты принимал его не на кофеине и тревоге.
Йона прислонилась к косяку.
— Я могу подождать.
Александр снова сел. Доев сэндвич. Только после этого они поднялись наверх.

Два листа всё ещё были одним.
Это Александр увидел первым.
Стол стоял в закрытом помещении за стеклянной дверью. После их ухода никто не входил. Камеры над дверью и в углу были отключены. На полу сохранялись прежние следы обуви. Возле ножки стола лежал карандаш, упавший ещё до того, как коридор закрыли.

Ничего не переместилось.
И всё же комната выглядела иначе.
— Свет, — сказала Йона.
Елена уже была там.
Не за столом.
За кабельным каналом в полу, который ещё вчера был просто металлической полосой, закрывающей провода, а теперь служил удобной границей: дальше без необходимости не заходили.

— Смотрите сбоку, — сказала она.
Ланской выключил верхнюю лампу.
Остался свет из коридора.
Йона поставила переносной фонарь почти на уровень столешницы.
Белое поле между двумя печатными участками отбросило тень.
Александр приблизился до кабельного канала.
Остановился.
Вчера середина листа казалась просто пустой.
Теперь бумага там была заметно толще.
Совсем немного.
Но достаточно, чтобы увидеть.
Слева лежала геофизическая распечатка.
Справа — музейная карточка деревянной рамки.

Между ними белый участок поднимался мягкой неровной полосой, словно несколько тонких слоёв бумаги оказались спрессованы один поверх другого.

— Она вздулась? — спросила Мира.

— Нет, — ответила Елена. — Воздуха внутри нет.

— Проверяли?

— Светом.

Елена показала на край.

Волокна шли непрерывно.

Ни пузыря.

Ни полости.

Материал просто становился толще к середине.

— Может, влажность? — спросил Ланской.

Йона отрицательно качнула головой.

— В комнате ничего не менялось настолько, чтобы бумага повела себя только в одном месте.

— Значит, часть листа уплотнилась.

— Пока можно сказать только это.

Александр посмотрел на края. Что-то беспокоило. Он не сразу понял что. Потом увидел.

— Он стал короче.

Томас стоял у дальней стены. До этого не произнёс ни слова. Теперь поднял голову.

— Не измеряй.

— Я и не собирался.

— Откуда вывод?

Александр указал на металлическую накладку у края стола.

— Вчера правый лист доходил почти до неё.

Йона посмотрела.

Потом на левую сторону.

— Да.

Елена сказала:

— Память не измерительный прибор.

— Не измерительный.

Александр кивнул на утолщённый центр.

— Но если материал не появился из ничего, откуда-то он должен был взяться.

Ланской понял первым.

— Из длины.

Никто не ответил.

Он подошёл чуть ближе.

— Два листа потеряли границу. Общая поверхность стала короче, а центральный участок толще.

— Возможная схема перераспределения, — сказала Йона.

— То есть бумага просто... собралась внутрь себя?

Мира смотрела на белое поле.

— Не просто.

Ланской усмехнулся.

— Спасибо.

— Я серьёзно. Если бы лист смялся, появились бы складки. Если бы разбух — изменились бы волокна от влаги. Здесь материал остался ровным.

Александр видел то же самое.

Никакого драматического превращения.

Никакой движущейся поверхности.
Белый участок всего лишь стал чуть толще.
Именно поэтому происходящее раздражало воображение сильнее.
Для невозможного оказалось достаточно нескольких миллиметров.
— Поднимать нельзя, — сказала Елена.
Ланской посмотрел на неё.
— Почему?
— Потому что мы не знаем, что удерживает распределение.
— Стол?
— Может быть.
— Тогда никогда не узнаем, пока не поднимем.
— Именно поэтому сейчас не поднимаем.
Ланской вздохнул.
— Я начинаю ненавидеть слово «сейчас».
Томас сказал:
— Тогда не выделяй его.
Ланской посмотрел на него.
— А тебя я начинаю ненавидеть безотносительно времени.
Мира хмыкнула.
Даже Елена улыбнулась.
Томас — нет.
Но большой палец, двигавшийся по шву брюк, остановился.
На несколько секунд напряжение стало человеческим.
Потом Йона сказала:
— Там ещё кое-что есть.
Она изменила угол фонаря.
В толще белого участка проступили серые точки.
Много.
Неровные.
Одни почти чёрные, другие едва заметные.
Александр сначала решил, что это пыль.
Елена — тоже.
Она сказала:
— Поверхность не трогать.
— Я не собиралась, — ответила Йона.
— Откуда тогда уверенность, что это внутри?
— Посмотрите на край.
Серые частицы находились не только сверху. Некоторые были зажаты между волокнами.
Ланской наклонился.
— Чернила?
— Тонер, скорее всего, — сказала Йона. — И графит.
— Откуда?
Она указала на левую часть листа.
На геофизической распечатке серые линии стали чуть бледнее возле белого поля.
Потом на правую.
Карандашная пометка музейной карточки тоже потеряла контраст у края.
Не исчезла.
Просто стала светлее.

— Они уже были в бумаге, — сказала Йона. — Пигмент перераспределился вместе с волокнами.

— В центр?

— Часть.

— Почему именно туда?

— Не знаю.

— А можно это проверить?

— Можно разрушить образец и посмотреть под микроскопом.

Елена ответила раньше остальных:

— Нет.

— Я не предлагал делать это прямо сейчас.

— Вы уже предложили.

Ланской поднял руки.

— Хорошо. Не разрушать.

Мира смотрела на серые точки.

Долго.

Потом медленно вынула правую руку из кармана.

Александр увидел движение.

— Что?

— Ничего.

Она подняла ладонь.

Пальцы слегка разошлись.

Не хватали.

Не удерживали.

Просто приняли положение.

— Мира.

— Я сказала: ничего.

— Рука.

Она посмотрела на собственные пальцы.

Безымянный чуть согнулся.

Указательный отнёсся в сторону.

Мира выпрямила их.

— Хотелось повторить форму.

— Какую?

Она кивнула на серые частицы.

Александр снова посмотрел.

Сначала видел случайное пятно.

Потом — дугу.

Неровный изгиб.

Три выступа внутри.

Разрыв с одной стороны.

После того как он увидел форму, перестать видеть её стало трудно.

— Не описывайте, — сказал Томас.

Ланской резко повернулся.

— Опять?

— Да.

— Мы все её видим.

— Не одинаково.

— Вы сейчас заставите каждого молча дорисовывать своё.

— Это лучше, чем дать всем одну формулировку.

— Почему?

— Потому что формулировка станет общим ограничением.

Ланской показал на лист.

— Два куска бумаги уже физически срослись. Мы несколько часов назад перестали обсуждать теоретическую опасность общих ограничений.

— Именно поэтому.

Елена не сводила глаз с серого рисунка.

— Я вижу след конструкции в грунте.

Томас закрыл глаза.

— Елена.

— Это моё наблюдение.

— Теперь оно наше.

— Нет. Вы можете не согласиться.

Ланской сказал:

— Я тоже вижу конструкцию.

— Потому что слышали меня.

— Я видел до того.

— Доказать невозможно.

— Вы специально строите систему, в которой любое совпадение мнений становится подозрительным.

— Нет, — сказала Мира. — Они подозрительны и без системы.

Все посмотрели на неё.

Она держала руку опущенной.

— Я почувствовала желание повторить контур только после того, как увидела его. До этого было другое.

Александр насторожился.

— Что?

Мира на секунду сжала губы.

— В коридоре.

— Почему не сказала?

— Сказала.

Он вспомнил.

Вес.

Давление под ладонью.

Что-то плоское, тянущее руку вниз.

— Это было до того, как мы увидели утолщение, — сказал он.

— Да.

— Значит...

— Ничего не значит.

— Может означать, что ты почувствовала изменение раньше нас.

— Или что мозг повторил старую моторную схему.

— Какую?

— Не знаю.

— Но вес...

— Саша.

Одного слова хватило.

Он остановился.

Мира посмотрела на него.

Не сердито.

Предупреждающе.

Не превращай меня в прибор.

Александр кивнул.

— Понял.

— Хорошо.

— По крайней мере, стараюсь.

— Это точнее.

Йона смотрела на серую форму.

— Нам нужно узнать, существовала ли такая геометрия где-нибудь до сегодняшнего дня.

— В модели? — спросил Ланской.

— В любом исходном носителе.

Томас ответил:

— Поиск объединит данные.

— Не обязательно.

— Любой запрос уже содержит описание.

— Тогда без запроса.

— Как?

Йона задумалась.

Александр вспомнил музейный архив.

Карточки, которые никто не мог свести к одной биографии.

— Старые технические планы здания.

Елена повернулась.

— Почему здания?

— Форма не обязана быть археологической.

— Именно, — сказала Йона.

— Здесь раньше была компания портовой автоматики. Столы, принтерные комнаты, кабельные трассы. Может быть, мы смотрим на след чего-нибудь совершенно местного.

Ланской посмотрел на серую дугу.

— Например?

— Старое крепление.

— Канал.

— Схему вентиляции.

— Прожжённый участок на копировальном аппарате.

Елена кивнула.

— Это хорошая проверка.

Томас спросил:

— Кто будет смотреть планы?

— Человек, который не видел лист, — ответил Александр.

Томас посмотрел на него.

— И что он должен искать, если не знает форму?

— Ничего.

— Тогда поиск бессмысленный.

— Пусть просто выдаст старые планы этого помещения и соседних зон.

— Все?

— Все, которые сохранились.

— Потом кто сравнит?

Александр ответил:

— Я.

Мира повернулась к нему.
Он увидел её реакцию раньше слов.
— Нет.
— Почему?
— Потому что ты уже видел рисунок.
— Именно.
— Это не преимущество.
— Нам всё равно понадобится человек, который сравнит.
— Елена.
— Она уже назвала форму.
— Йона.
— Она знает исходные задания.
— Томас.
— Он будет искать связь ещё сильнее меня.
Томас не возразил.
Ланской спросил:
— А Мира?
— Нет, — ответил Александр.
Слишком быстро.
Мира посмотрела на него.
— Спасибо, что решил.
— У тебя уже есть телесная реакция.
— И?
— Я не хочу добавлять к ней ещё один источник.
— Ты не хочешь?
— Да.
— А я?
Александр помолчал.
Ошибка была очевидна.
И уже произошла.
— Я должен был спросить.
— Да.
— Хорошо. Хочешь сравнивать планы?
— Нет.
Ланской отвернулся, скрывая улыбку.
Александр посмотрел на Миру.
— Тогда результат тот же.
— Нет.
— Практически.
— Нет, Саша. Результат — да. Решение — нет.
Он кивнул.
Мира всё-таки улыбнулась, но недолго.

Старые планы хранились в подвале.
Не в цифровом архиве.
Это всем понравилось больше, чем следовало.
Сотрудник хозяйственной службы по имени Харун привёз две картонные папки на тележке.
Он не знал, зачем они нужны.

Ланской сказал только:

— Старые планы второго этажа.

— До реконструкции или после?

Вопрос заставил всех замолчать.

Ланской первым понял почему.

— Какие есть.

— Тогда много.

— Везите много.

Харун посмотрел на него.

— Обычно руководство просит наоборот.

— Сегодня особенный день.

— Заметил.

Он привёз ещё три папки. Оставил на столе соседней переговорной. Ушёл. Томас сразу сказал:

— Не раскладывать рядом.

Елена устало посмотрела на него.

— Томас.

— Что?

— Мы можем посмотреть по одному.

— Я это и предлагаю.

— Ты говоришь так, будто собирался остановить нас за секунду до массовой ошибки.

— Возможно.

Ланской хмыкнул.

Томас повернулся к нему.

— Что?

— Ничего.

— Тогда не делай звук.

— Это уже диктатура.

Первый план оказался пожарной схемой.

Второй — разводкой старой вентиляции.

Третий показывал кабельные каналы.

Четвёртый — расположение стен до реконструкции.

Ничего похожего на серую дугу.

Александр смотрел один.

Остальные не видели сами планы.

Так они договорились.

Елена сидела в соседней комнате и проверяла номера документов.

Йона знала годы, но не содержание.

Томас старался не спрашивать о форме.

Мира пошла за кофе.

Через сорок минут Александр уже не был уверен, что способен узнавать что-либо честно.

Каждая кривая начинала казаться знакомой.

Каждый вырез.

Каждая ниша.

Каждая линия вентиляции.

Он остановился.

Закрыв папку.

Вышел.

Мира стояла возле автомата.

Держала две бумажные чашки.
— С сахаром?
— Не тебе.
Она передала ему другую.
— Без.
— Спасибо.
— Нашёл?
— Слишком много почти похожего.
— Значит, нет.
— Именно.
— Хорошо.
Александр отпил.
Кофе был ужасным.
— Почему «хорошо»?
— Потому что если бы ты нашёл через десять минут идеальную форму, я бы начала нервничать.
— А через сорок?
— Всё ещё нервничаю. Но чуть профессиональнее.
Он посмотрел на неё.
— Рука?
— Нормально.
— Совсем?
— Иногда чувствую вес.
— Когда?
— Не дам тебе статистику.
— Я не просил.
— Уже собирался.
— Неправда.
— У тебя лицо такое.
— Это Еленина фраза.
— Хорошая.
Они молчали.
Из переговорной вышел Ланской.
— Береговая группа ответила.
Александр поставил чашку.
— Какая группа?
— Которую мы отправили проверить координату.
Мира резко посмотрела на него.
Потом на Александра.
— Какую группу?
Ланской остановился.
Слишком поздно понял.
Александр ответил сам:
— Я попросил проверить точку независимо от «Палимпсеста».
— Когда?
— Пока ты была в кухне.
— Ты сделал что?
— Только существование доступных внешних данных. Без модели. Без нашей реконструкции.

— Ты сообщил координату?

— Да.

— Кому?

— Гидрографу, который не знает ни R-17, ни коробку, ни предмет.

— Без меня.

— Да.

Она поставила кофе на подоконник.

Очень аккуратно.

— Почему?

— Потому что хотел проверить, существует ли там физический объект до того, как наша система успеет назначить ему форму.

— Я спрашиваю не о методике.

Александр замолчал.

— Почему без меня?

— Потому что ты уже связана с координатой через сенсомоторное ощущение.

— Ты не знаешь этого.

— Не знаю.

— Тогда?

— Хотел сохранить внешний запрос независимым.

— От меня.

— От всех нас.

— Но решение принял ты.

— Да.

Мира несколько секунд смотрела на него.

— Ты снова выбрал правильную процедуру вместо разговора.

— Возможно.

— Не говори это слово.

— Хорошо.

— И «хорошо» не говори.

Ланской медленно отступил в переговорную. Мудро. Александр остался напротив Мира.

— Я должен был сказать.

— До или после?

— До.

— Ты бы всё равно отправил запрос?

Он подумал.

— Да.

— Тогда зачем спрашивать?

— Чтобы ты знала, что происходит.

— Это не ответ.

— Чтобы решение не принадлежало только мне.

— Но если я скажу «нет»?

Александр посмотрел на неё.

— Тогда мы бы спорили.

— И?

— Возможно, я бы всё равно отправил.

Мира усмехнулась.

Без радости.

— Вот теперь честно.

— Я считал риск ожидания выше.

— Это уже лучше.

— Ты злишься?

— Очень.

— Но?

— Никакого «но».

Телефон Ланского зазвонил в переговорной. Они оба повернули головы. Он не вышел.

Мира сказала:

— Иди.

— Вместе?

— Сейчас да.

Гидрограф ничего не нашёл.

Ни постройки.

Ни обломков.

Ни подъёма дна, который можно было бы назвать объектом.

Он нашёл старую съёмку.

Сделанную несколько лет назад при прокладке инженерного маршрута.

На ней через заданную координату проходила широкая полоса чуть более плотного грунта.

Не сооружение.

Не стена.

Не дорога.

Просто участок, где донный осадок отражал сигнал немного иначе.

— Это всё? — спросил Ланской.

— Всё, — ответил Александр.

Он слушал звонок по громкой связи.

Гидрограф на другом конце не знал, сколько людей находится в комнате.

— Такое встречается постоянно, — сказал голос. — Старое русло, плотный песок, глина, техногенное уплотнение. Без новых данных не скажу.

— Можно определить направление полосы? — спросил Александр.

— На старом профиле — примерно.

— Не надо, — сказала Мира.

Александр остановился.

Гидрограф замолчал.

— Простите?

Мира посмотрела на Александра.

— Ты хотел независимую проверку существования физического отличия.

— Да.

— Получил.

Он понял.

— Спасибо, — сказал в телефон. — Этого достаточно.

Отключил вызов.

Ланской посмотрел на них обоих.

— Вы серьёзно не хотите узнать направление?

— Пока нет, — сказал Александр.

Мира ничего не добавила.

Когда они вышли в коридор, она сказала:

— Правильно сделал.

Он посмотрел на неё.

— С запросом?
— Да.
— Но ты всё ещё злишься.
— Да.
— Непривычная система.
— Нормальная человеческая.
— Сложнее «Палимпсеста».
— Поэтому он нас и не заменит.
Александр хотел пошутить.
Не успел.
Из конца коридора быстро шла Йона.
Без телефона.
С бумагой в руке.
— Нашла.

Это был последний план в пятой папке.
Не архитектурный.
Схема старой печатной зоны.
Когда здание ещё принадлежало компании портовой автоматики, здесь стояли два больших инженерных принтера, шкаф для рулонной бумаги и стол раскладки чертежей.
План был копией. Старой. Многократно сложенной. Прозрачная ремонтная лента желтела.

У правого края отсутствовал небольшой участок бумаги.
Не вырванный недавно.
Вырез был старым.
Края потемнели.
Внутри неровной дуги находились три выступа.
С северной стороны — разрыв.
Александр почувствовал холод раньше, чем успел сопоставить.
Та же форма.
Серое пятно в толще длинного листа.
Не похожая.
Та же.
— Кто видел? — спросил Томас.
— Я, — сказала Йона. — Александр. Теперь вы.
— Мира?
— Нет.
Мира стояла у двери.
— И не надо.
Александр посмотрел на неё.
Она сама приняла решение.
Он ничего не сказал.
Йона держала план за два дальних угла.
— Я сначала решила, что кусок вырезали при ремонте.
Елена подошла ближе.
— Не похоже.
— Почему?
Она показала на край.
— Типографский дефект.

— Объясни.

— План печатали с уже существующей пустотой в оригинале.

Йона перевернула лист.

На обороте возле выреза проходила полоска старой прозрачной ленты.

Под ней проступали карандашные буквы.

Лента много лет закрывала часть строки.

Йона осторожно изменила угол.

Не отклеивала.

Текст стал виден полностью.

СЛОЙ НЕ ВОССТАНОВЛЕН.

Никто не говорил.

Александр смотрел на план.

Он был старше «Палимпсеста».

Старше нынешнего проекта.

Старше их вопросов о белом поле.

Дефект существовал задолго до того, как два несовместимых документа стали одним листом.

Серая форма тоже не требовала нового пигмента — только старого тонера, старого графита и изменившегося положения уже существующих волокон.

Ничего не было создано из пустоты.

Это должно было успокаивать.

Не успокаивало.

Потому что теперь перед ними находились два материальных следа одной формы.

Один — в новом листе, собранном из несовместимых архивов.

Другой — в старом плане помещения, напечатанном много лет назад.

И ни один из них не появился сегодня.

Мира первой нарушила молчание.

— Не соединяйте их на столе.

Йона посмотрела на план в своих руках.

— Не собиралась.

— Я не о бумаге.

Все поняли.

Александр посмотрел через стекло на длинный белый участок.

С такого расстояния он снова казался пустым.

Только теперь Александр знал, сколько всего может поместиться в пустоте, если однажды решить, что её обязательно нужно заполнить.

Глава 7

Русло под морем

План всё ещё лежал на полу.

Йона не подняла его.

Сначала потому, что боялась сдвинуть.

Потом — потому что поняла: любое движение превратит случайное положение бумаги в принятое решение.

Она выключила верхний свет и оставила только лампу возле двери.

Так серое пятно на длинном листе почти исчезало.

Это немного помогало.

На полу, рядом с её ботинком, лежал старый технический план здания. Бумага пожелтела, прозрачная ремонтная лента по краям стала мутной.

Возле одного из старых вырезов проступала карандашная надпись:

СЛОЙ НЕ ВОССТАНОВЛЕН.

Йона уже прочитала её несколько раз.

Старалась больше не читать.

Телефон лежал экраном вниз.

Томас обещал приехать.

Больше она никому не звонила.

Когда за дверью наконец раздались шаги, Йона поймала себя на том, что всё ещё держит карандаш.

Она не писала.

Просто сжимала его между большим и указательным пальцами.

Отложила. Кисть сразу показалась непривычно лёгкой. Томас вошёл без приветствия.

Мокрую куртку снял у двери, повесил на спинку стула и несколько секунд смотрел на комнату.

Сначала — на длинный стол за металлической решёткой.

Потом — на план у ног Йоны.

— Ты его двигала?

— Нет.

— Лист?

— Нет.

— Кто-нибудь входил?

— Охранник открывал коридор. Сюда не заходил.

Томас приблизился к плану.

Не настолько, чтобы наступить на край.

— Покажи.

Йона указала на вырез.

— Здесь.

Он присел.

Старая лента частично отошла от бумаги. Под ней скопилась пыль. Один край загнулся, открыв карандашную запись.

— Она была под лентой?

— Да.

— Ты отклеивала?

— Нет.

— Кто?

— Клей.

Томас посмотрел на неё.

— Очень удобно.

— Поэтому я и позвонила тебе.

Он снова опустил взгляд.

Вырез был неровным.

Широкая дуга.

Три небольших выступа.

Разрыв с одной стороны.

Если не знать, что искать, — обычный дефект старого плана.

Если знать —

та же форма, что проступила ночью в белом промежутке непрерывного листа.

Томас не стал смотреть за решётку.

— Ты измеряла?

— Нет.

— Накладывала фотографии?

— Нет.

— Сравнивала расстояния?

— Нет.

— Тогда откуда уверенность?

— Я не уверена.

— Хорошо.

Йона нахмурилась.

— Что хорошего?

— Что ты сказала именно это.

Он поднялся.

Большой палец правой руки прошёл вдоль бокового шва брюк.

Вверх.

Остановился.

— Может быть совпадением, — сказал Томас.

— Может.

— План мог относиться к старой шахте, кабельному каналу, вентиляции.

— Да.

— Надпись могла быть о штукатурке.

— Да.

— Серое пятно на новом листе могло возникнуть из-за разной плотности волокон и старого пигмента.

— Да.

— Ничего нового не появилось.

— Да.

Он наконец посмотрел на длинный лист.

— И всё равно плохо.

Йона прислонилась к стене.

— Почему?

— Потому что раньше у нас был один странный носитель.

Он указал на план.

— Теперь два.

— Если формы действительно совпадают.

— Если.

Несколько секунд они молчали.

Йона подняла карандаш с пола.

— Что делать?

— План убрать отдельно.

— Тогда мы уничтожим контекст.

— Нет.

— Я нашла его здесь.

— Это уже зафиксировано.

— Где?

— У тебя в голове.

Йона усмехнулась.

— Надёжное хранилище.

— Сейчас — лучшее из доступных.

— Ты серьёзно хочешь строить процедуру на человеческой памяти?

Томас посмотрел на неё.

— После Борнхольма я меньше доверяю идеально сохранённым данным, чем плохо сохранённым людям.

Йона не ответила.

Он сам услышал, как прозвучало.

— Не записывай.

— Уже запомнила.

— Тем хуже.

К восьми утра приехали остальные.

Не вместе.

Александр — один.

Мира — через двенадцать минут.

Елена — ещё позже, с бумажным стаканом кофе, который поставила возле двери и забыла.

Ланской появился последним.

На нём был вчерашний пиджак, но разные запонки: слева матовый металл, справа тёмное дерево.

Мира заметила первой.

Ничего не сказала.

Они собрались в маленькой переговорной без экранов.

Томас выбрал её именно поэтому.

На стенах не висело ничего, кроме инструкции по пожарной эвакуации. Стол был слишком коротким для длинного листа. В углу стояли три разных стула, будто помещение никогда не проектировали для настоящих совещаний.

Йона рассказала всё один раз.

Без фотографий.

Без рисунка формы.

Когда закончила, Ланской спросил:

— Насколько точно совпадает?

— Я не измеряла.

— Почему?

— Потому что для измерения нужно превратить обе формы в сопоставимые данные.

— Это и называется проверкой.

— А потом получится ещё один общий объект.

Ланской посмотрел на Томаса.

— Это твоя идея?

— Нет.

— Тогда чья?

— Её.

Йона слегка подняла подбородок.

Ланской кивнул.

— Хорошо.

— Почему все сегодня говорят это слово? — спросила она.

— Потому что вы начали спорить со мной до того, как я успел предложить неправильное решение.

Елена всё-таки взяла кофе. Попробовала. Поморщилась. Поставила обратно.

— Здесь другой вопрос, — сказала она.

— Какой? — спросил Ланской.

— Нам не нужно сначала доказывать совпадение двух форм.

— Почему?

— Потому что даже идеальное совпадение ничего не объяснит.

Она раздвинула на столе две пустые ладони.

— У нас есть старый технический план здания. Есть новый бумажный носитель, возникший после соединения архивных материалов. Допустим, формы одинаковы. Что дальше?

— Ищем источник.

— Где?

Ланской хотел ответить.

Не стал.

Елена продолжила:

— Нам нужен независимый физический объект, к которому обе формы могут относиться.

Александр достал из кармана сложенный лист.

Мира посмотрела на него.

— Что это?

— Координата с музейной коробки.

Он развернул бумагу.

Две строки цифр.

Никакой карты.

Никакого названия.

— Точка находится внутри пробела старых морских профилей, — сказал Александр. — Там, где «Палимпсест» дорисовал русло.

Томас провёл большим пальцем по шву.

— Ты опять собираешь последовательность.

— Перечисляю факты.

— В правильном порядке.

— Для этого и существует речь.

— На Борнхольме тоже всё начиналось с правильного порядка.

Мира посмотрела на Томаса.

— А закончилось тем, что вы пытались отменить любой порядок вообще.

Он повернулся к ней.

— Не любой.

- Только тот, который невозможно контролировать.
- Это разумное ограничение.
- Нет. Это страх, который научился писать инструкции.
- Комната замолчала.
- Александр посмотрел на Миру.
- Она не убирала волосы за ухо.
- Значит, решение ещё не принято.
- Ланской откинулся на спинку стула.
- Мне нравится, что мы наконец обсуждаем не бумагу.
- Томас повернулся к нему.
- Вам вообще нравится, когда спор перестаёт касаться ваших денег.
- Неправда. Иногда мне нравится, когда он перестаёт касаться моей ответственности.
- Удобно.
- Очень.
- Елена постучала ногтем по столу.
- Один раз.
- Давайте к делу.
- Она посмотрела на координату.
- Старые данные там плохие?
- Йона ответила:
- Разные годы. Разное оборудование. Разное разрешение. Несколько линий проходят далеко от точки.
- То есть белое место на модели — это не пустота.
- Нет.
- Просто участок, который никто нормально не измерил.
- Да.
- Елена кивнула.
- Тогда едем туда.
- Томас резко поднял голову.
- Нет.
- Почему?
- Потому что именно этого хочет любая реконструкция. Получить недостающий слой.
- Русло не хочет ничего.
- Ты знаешь, о чём я.
- Знаю. Поэтому и говорю точнее.
- Ланской спросил:
- Что предлагаете получить?
- Не карту.
- А?
- Несколько независимых наблюдений. Акустический профиль. Описание поверхности дна. Керн.
- Йона уточнила:
- Без объединения?
- Без объединения на борту.
- Это ухудшит качество интерпретации.
- Да.
- Значит, мы намеренно проведём исследование хуже, чем можем.
- Елена посмотрела на неё.
- Нет. Мы проведём его честнее, чем хотим.

Мира впервые улыбнулась.

Очень коротко.

— Мне подходит.

Томас перевёл взгляд на неё.

— Почему?

— Разные группы.

— Какие?

— Навигация отдельно. Геофизика отдельно. Керн отдельно. У каждой свои журналы.

— Люди потом всё равно поговорят.

— Конечно.

— Тогда разделение бессмысленно.

— Нет, — сказала Мира. — Оно просто не идеально.

Томас замолчал.

Она добавила:

— Нам придётся жить без идеальных решений.

Большой палец Томаса остановился.

Ланской медленно снял деревянную запонку.

Положил на ладонь.

— Судно есть.

Все посмотрели на него.

— Какое? — спросила Елена.

— «Арго».

Томас тихо выругался.

— Ты уже всё организовал.

— Нет. Организовал обычную верификационную съёмку после координаты из Лейдена.

Без вашего нынешнего цирка с разделением.

— Когда выход?

— Сегодня ночью.

Мира убрала волосы за ухо.

Решение сформировалось.

— Значит, едем.

«Арго» был почти вдвое шире, чем Александр представлял по фотографиям.

Исследовательское судно стояло у северного причала Хук-ван-Холланда, тяжёлое, низкое, деловое.

Никакой красоты старых рыбацких кораблей. Широкая рабочая палуба. Краны. Лебёдки. Металлические контейнеры лабораторий.

Тёмно-синий корпус с ржавой полосой над водой.

Машина, построенная для того, чтобы таскать из моря вещи, которые море не собиралось отдавать.

На трапе их встретила женщина в красной непромокаемой куртке.

Она затягивала нижний ремень спасательного жилета молодого техника.

Тот терпел молча.

— Слабо, — сказала женщина.

— Нормально.

Она дёрнула ремень.

Пряжка поползла.

— Вот это было «нормально».

Затянула заново.

Только потом посмотрела на прибывших.
— Ветров?
Александр поднял руку.
— Соколова?
— Я.
— Берг узнаваем без представления.
Томас нахмурился.
— Почему?
— Мне сказали, что один из гостей обязательно попробует договориться с судовой системой видеонаблюдения.
Ланской кашлянул. Скрывая смех. Женщина протянула руку.
— Сигрид Мёллер. Капитан.
Александр пожал.
— Вы ныряете? — спросила она.
— Сегодня нет.
— Хороший ответ.
— Почему?
— Меньше оборудования проверять.
Она подошла к Мире. Потянула за плечевой шов жилета. Потом за нижний ремень.
— Вы археолог?
— Да.
— На палубе командую я.
— Не спорю.
Сигрид посмотрела на неё внимательнее.
— Отлично. Уже лучше половины археологов.
Елена поднялась по трапу с двумя плоскими ящиками.
Матрос потянулся помочь.
Сигрид остановила его.
— Что внутри?
— Чистые пакеты, ленты для керна, документация.
— Стекло?
— Нет.
— Батареи?
— Нет.
— Жидкости?
— Нет.
— Тогда несите сами.
Елена посмотрела на свои руки.
— Я и несла.
— Значит, всё правильно.
Сигрид повернулась к остальным.
— Ещё одно. Если кто-то решит, что сохранение независимости данных важнее того, чтобы человек не попал под лебёдочный трос, сначала сообщите мне. Я объясню приоритеты.
Томас сказал:
— Камеры на корме можно не направлять на рабочие экраны?
— Камеры направлены на людей и оборудование.
— Запись соединит события.
Сигрид посмотрела на него.

— Запись не даст мне потом объяснять семье техника, почему я не увидела, как его прижало кабелем.

Томас хотел ответить.

Не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.